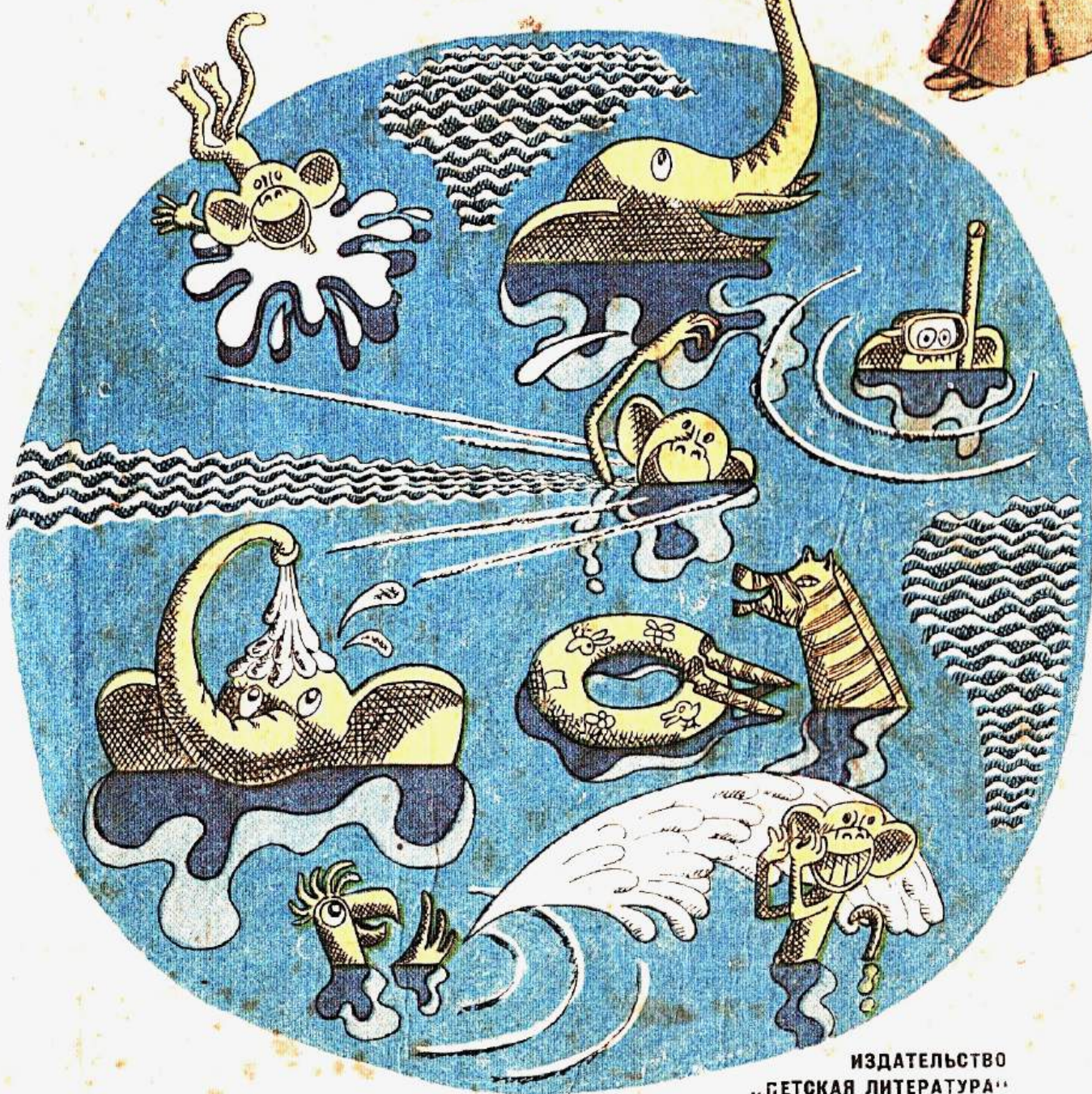
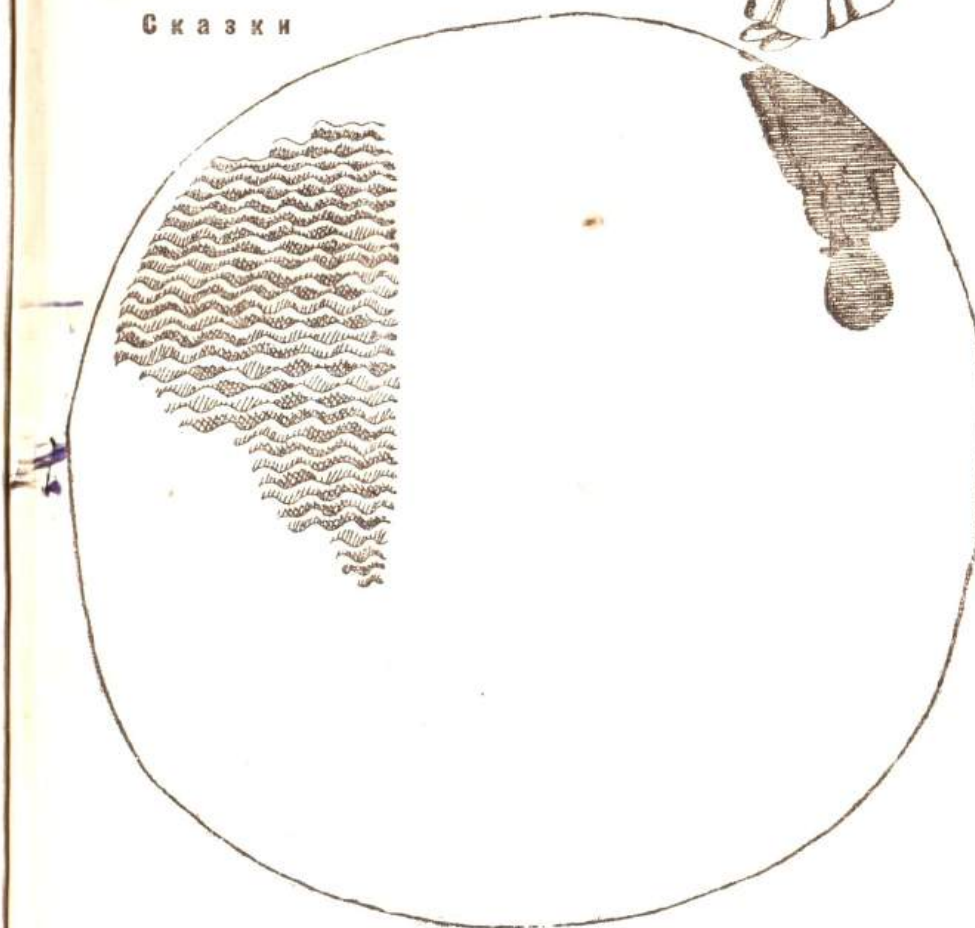

Юрий ЯРМЫШ
**ДЕВОЧКА
И
ОХОТНИК**

Юрий ЯРМЫШ
ДЕВОЧКА
и
ОХОТНИК

Сказки

Издательство
„Детская литература“
Москва 1971

Дорогие ребята!

Вы, наверное, уже читали книгу сказок украинского писателя Юрия Ярмыша «Палочка-выручалочка», которая вышла у нас несколько лет назад. Юрий Феодосиевич Ярмыш живёт в Киеве, работает редактором журнала украинских ребят «Пионерия» и пишет рассказы и сказки для детей. Книжки его выходят на украинском и русском языках. В этой книге напечатаны его новые сказки в переводе на русский язык. Напишите нам, понравились ли вам сказки. Ждём ваших писем по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

*Перевёл с украинского
М. МУСИЕНКО*

Рисунки А. Семёнова

СЛОНЁНОК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ТАНЦЕВАТЬ

Жил в зоопарке Слонёнок. Были у него большие, толстые ноги и маленький хвостик. О хоботе и говорить нечего: он был смешной.

А глаза Слонёнка всегда с завистью смотрели на соседнюю ограду, где жила Страусиха со своими страусятами — самая лучшая в зоопарке балерина. Её стройные, лёгкие ноги будто сами взлетали в воздух, а такой юбочки для танцев — пачки, наверно, не было ни у одной балерины. Из настоящих страусиных перьев!

Неподалёку от зоопарка стоял дом, откуда часто слышалась чудесная музыка. И тогда Страусиха говорила своим детишкам:

— Начинайте танцевать! Живее поднимайте ножки! Выше!

Ух, как завидовал Слонёнок страусятам! Ему даже конфет не хотелось. Только бы научиться вот так же взмахивать ногами, легко приседать и вертеться вокруг себя.

И ночью, чтобы никто не видел, Слонёнок начал учиться танцевать.

Не всем понравились его упражнения.

— Ты чего топаешь своими толстыми ножищами?!—сердилась обезьяна Горилла.—Сон мне такой интересный перебил—про африканские джунгли.

И Слонёнок, тяжело вздыхая, перестал танцевать.

Но однажды он отважился обратиться с просьбой к самой лучшей в зоопарке балерине Страусихе:

— Не могли б вы и меня научить танцевать?

Страусиха придирчиво оглядела толстого Слонёнка и сказала:

— Стань на одну ногу, а вторую согни в колене.

— А третью ногу? Что мне делать с третьей ножкой?—забеспокоился Слонёнок.

— С какой третьей?—рассердилась Страусиха.

— Вот с этой!—Слонёнок робко поднял третью ногу.—У меня ещё одна есть!—робко заметил он, топчась на всех своих четырёх ногах.

— Ах,—рассердилась Страусиха,—при чём тут четыре ноги? Ты танцуешь, как слон. Вон посмотри, как танцуют страусята!

Слонёнок очень опечалился и едва не заплакал. Но ведь ещё ни один слон не отступал от своей цели. И наш Слонёнок хоть и мал был, но тоже настойчив.

Он подсмотрел, как сторож вечером закрывает его клетку... И однажды рано утром откинул хоботом щеколду и тихонько вышел из клетки.

Боязливо оглядываясь, не заметили ли его, Слонёнок пошёл в ту сторону, откуда всегда слышна была музыка. Там стоял дом с широкими стеклянными окнами. Если бы Слонёнок умел читать, он заметил бы надпись: «Балетная школа».

«Какая большая красивая клетка,—подумал Слонёнок.—Может, и меня пустят туда?»

Он потрогал хоботом ручку на двери. Не открывается.

«Наверно, ещё рано,—сказал сам себе Слонёнок,—пойду-ка в сквер, подожду...»

И когда наконец из дома с широкими окнами послышалась музыка, Слонёнок вприпрыжку заспешил туда. Сердце у него гулко стучало. Но что такое? Слонёнок не смог протиснуть в дверь даже голову. Попробовал повернуться—то же самое: за дверью оказался лишь короткий хвостик.

Какое невезение! Что же делать?

Слонёнок заглянул сквозь открытое окно в комнату. Там под музыку танцевали девочки. Каждая держалась одной рукой за длинную жердь, протянутую вдоль стены, и то приседала, то поднимала стройные ножки.

Слонёнок тоже стал приседать и по очереди поднимать ноги. Ему даже лучше было на улице: просторно и такая красивая музыка звучала из окон!

Слонёнок огляделся. Видит ли кто-нибудь, как красиво, не хуже девочек, он танцует?

И в самом деле, неподалёку стояли мальчишки с портфелями—они хохотали:

— Какой чудной Слонёнок!

— Смотрите, он пляшет! Как смешно!

Слонёнку стало грустно-грустно. И он поплёлся в зоопарк, в свою клетку. И ночью, когда все звери и птицы уснули, он горько заплакал.

— Какой я несчастный!.. Почему никто не похвалил мои танцы? Неужели они так плохи?

Слонёнок тяжело вздыхал и вытирал всю ночь хоботом слёзы.

А утром у клетки Слонёнка появился сам директор зоопарка. Он был не один, с ним пришёл седой

высокий мужчина в соломенной шляпе, в вышитой сорочке.

— Наконец,— воскликнул он весело,— наконец я нашёл тебя, дорогой Слонёнок!

Директор зоопарка стал возражать:

— Нет, товарищ дрессировщик, вы ошибаетесь. Наш Слонёнок никуда не выходил из клетки. К тому же слоны—это вам не щенки. Они по городу не разгуливают. И тем более не танцуют...

Седой мужчина в соломенной шляпе вздохнул и сказал:

— Ох, как я жалею, что троллейбус так быстро ехал. Слонёнка я увидел только в последний миг. Очень жаль, что это не тот Слонёнок, который так весело танцевал!

«Я тот самый Слонёнок!—радостно затрубил Слонёнок из своей клетки—это он заговорил по-своему.—Я рад, очень рад, что на меня обратил внимание этот человек по имени товарищ дрессировщик!»

И Слонёнок, радуясь, стал выплясывать и махать хвостиком, как пропеллером.

— Да это он и есть!—обрадовался гость.— Это тот самый Слонёнок, который любит танцевать!

— В таком случае, товарищ дрессировщик, не стану вас отговаривать. Берите его!—Директор зоопарка открыл клетку.— Вот вам поводок!

И Слонёнок оставил свою клетку.

Они шли по городу—впереди дрессировщик, а за ним на поводке Слонёнок.

Шуршали, сигналили машины, удивлённые шофёры высовывались из окон своих автомобилей, а дрессировщик вёл посреди улицы Слонёнка. И все уступали ему дорогу—даже троллейбусы, высокие и толстые, похожие на взрослых слонов.

— Вот здесь ты будешь жить и учиться танцевать!—сказал наконец дрессировщик и показал рукой прямо перед собой.

Слонёнок посмотрел на дом. Это был огромный дом—круглый, даже крыши не видно.

— Прощу!—Дрессировщик распахнул широкую дверь.

Слонёнок свободно вошёл в помещение. Там тоже были клетки. В них, как в зоопарке, сидели гривастые львы, полосатые тигры, бурые медведи. Они с любопытством глядели на Слонёнка и доброжелательно урчали, здороваясь с ним.

Слонёнок тоже поздоровался, взмахнув перед новыми соседями хоботом.

Дрессировщик подвёл его к самой большой клетке:

— Здесь ты будешь жить. А сейчас я покажу тебе арену.

Через минуту Слонёнок оказался на круглой площадке, посыпанной песком. Площадка была огорожена невысокой стенкой, а за ней во все стороны, до самого потолка, поднимались кресла.

— Сейчас мы начнём урок!—сказал дрессировщик.—Товарищи музыканты,—крикнул он куда-то вверх,—прошу музыку! А ты, Слонёнок, слушай внимательно и повторяй то, что я тебе буду показывать. Вначале научись сгибать ногу и вытягивать носок...

Так наш Слонёнок стал жить в цирке. Ох, нелегко ему было, хоть он и любил танцевать! Дрессировщик однажды даже рассердился на него. Случилось это, как только Слонёнок научился становиться на две передних ноги и задними болтать высоко в воздухе. Слонёнку показалось на радостях, что он может и на голову встать.

Но в то же мгновение он с таким грохотом перекувыркнулся на спину, что музыканты от удивления даже перестали играть. Слонёнку до того было больно и стыдно, что он не мог смотреть дрессировщику в глаза.

— Где ты видел, чтобы во время танца становились на голову? — сердился дрессировщик. — Это очень некрасиво! Будь повнимательнее, ведь у нас скоро премьера.

Такого слова Слонёнок ещё не слышал. И ночью спросил у Полосатого Тигра, что оно означает. Попросил объяснить.

— О! — удивлённо блеснул Полосатый Тигр жёлтыми глазами. — Ты уже выступаешь? — И он объяснил: — Так называется самое первое выступление.

Он ещё хотел что-то сказать, но, наверное, не сумел, потому что только неловко как-то переступал с лапы на лапу.

И вот настал день премьеры. Слонёнок посмотрел сквозь дырочку занавеса в зал. Там было полно народа.

На арену вышел человек в чёрном костюме и громко объявил:

— Новый необыкновенный номер. Слонёнок-танцор!

Свет от прожектора ударил Слонёнку в глаза. Всюду сидели люди. Гремела, звенела музыка.

И Слонёнок растерялся... Музыка играла, а он на виду у всех зрителей... стоял!

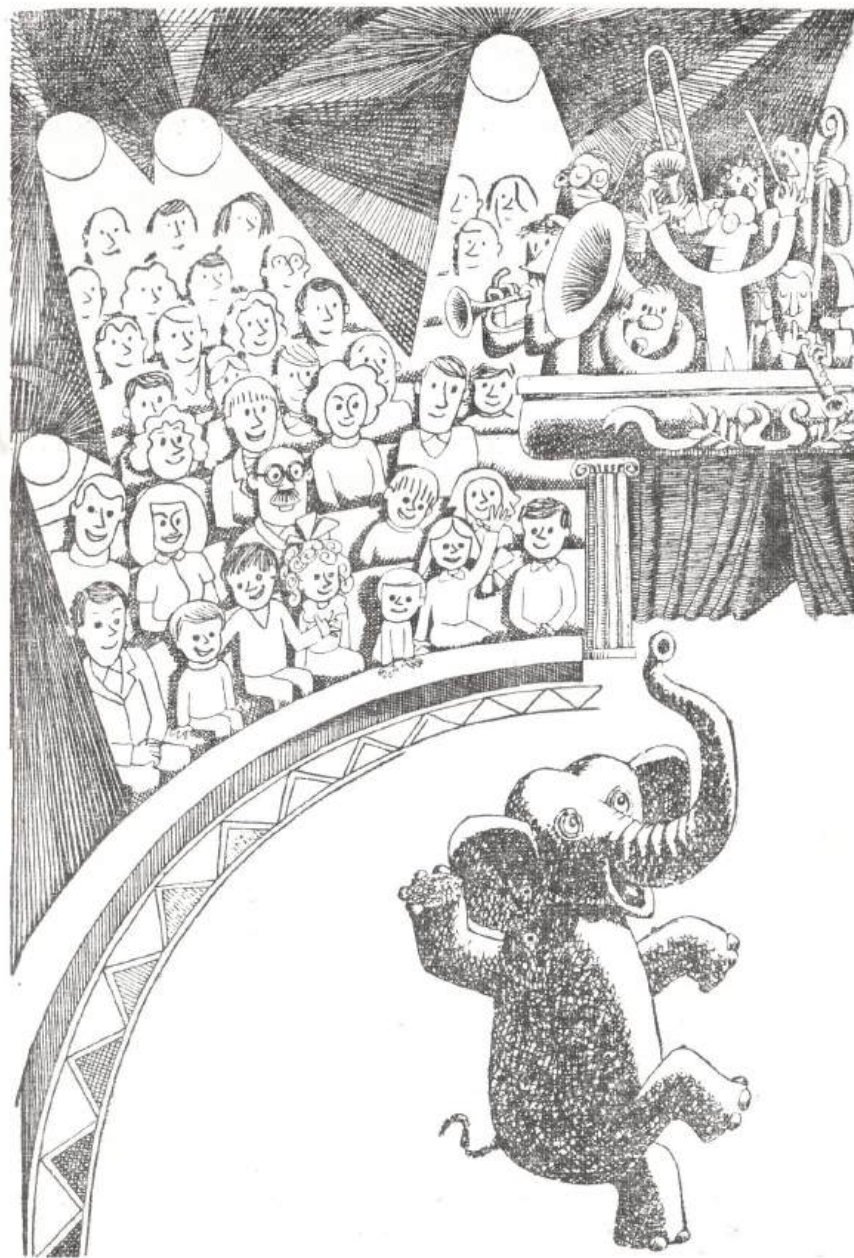
И тут послышался знакомый добрый голос:

— Слонёнок, всё будет хорошо!

Это говорил дрессировщик.

— Слонёнок, не волнуйся. Левую переднюю ножку вперёд, правой задней притопывай!

Дрессировщик сделал знак музыкантам...

Слонёнок выставил левую переднюю ногу, задней правой быстро притопнул и... успокоился.

Посмотрел в зал... Совсем не страшно! Все вокруг улыбаются. Целый оркестр играет только для него.

И тогда Слонёнок стал танцевать. Вначале четырьмя ногами, а потом стал на две задние и только ими быстро перебирал, а передними хлопал, как в ладоши. А потом как пошёл вприсядку!

Все, кто был в зале, аплодировали Слонёнку.

— Прекрасный танцор! — радовались все вокруг.

Когда Слонёнок кончил танцевать и раскланивался, он заметил в зале мальчишек, которые когда-то смеялись над ним возле балетной школы, и девочек из той самой школы. Они громче всех аплодировали Слонёнку и кричали:

— Bravo! Наш Слонёнок танцует, как настоящий артист балета! Bravo!..

А Слонёнок, раскланиваясь, думал:

«Ой, неужели всё это правда?.. А интересно, что бы сказала о моём выступлении самая лучшая балерина — тётушка Страусиха?»

МЕДВЕЖОНОК-БОКСЁР

Может, вы слышали о рыжем медвежонке Бурме? О том, как он в зоопарке всех зверей на кулачки драться вызывал?

Встретил Бурма на площадке для зверюшек зайчонка Петю и говорит:

— Давай сразимся в бокс!

Петя сидел, учился дробь лапками выбивать и потому согласился.

Натянули они боксёрские перчатки — и бой начался!

Петя сразу же пошёл в наступление. Лапки серого только мелькали. Трам-там-та-ра-рам! Там! Все удары зайчонка были похожи на барабанную дробь.

— Какая техника!..

— Петя — чудесный боксёр! — восхищались обезьянки.

Однако медвежонок Бурма не умел играть на барабане. Он мог только драться и ударил зайчонка так, что зайчонок тут же сел на землю и сказал:

— Довольно! Довольно! Я хочу играть только на барабане!

Затем Бурма соревновался с обезьянкой Афродитой. Поначалу бой был равный. Но потом Бурма как размахнулся!.. Афродита оказалась на дереве и слезать оттуда уже не захотела.

— Ну, а с тобой, — сказал Бурма своему приятелю медвежонку Мурме, — я и связываться не хочу. Даже обезьянам понятно, что тебе со мной не справиться!

— Как знаешь, — обиделся Мурма, — а я лучше потренируюсь.

Посреди площадки для зверюшекросло большое грушевое дерево, и Мурма пошёл к нему тренироваться. Он умел ловко сбивать груши лапами на землю...

А Бурма побежал вызывать на поединок волка Острозуба. Но клетка его пустовала — волк Острозуб уехал сниматься в кино.

Недолго думая — ведь он имел уже две победы! — пошёл Бурма к жирафе Катерине:

— Давай на кулачках драться!

— Как же ты со мной будешь драться? — засмеялась долговязая жирафа.

— Не беспокойся, как-нибудь! — не унимался Бурма.

Он изо всей силы размахнулся и ударил жирафу по коленям.

Жирафа засмеялась:

— Разве ты не знаешь, что в боксе ниже пояса бить не разрешается?

И спокойно стала лакомиться зелёной кленовой листвой. Увидела на самой макушке дерева перепуганную обезьянку Афродиту и осторожно ссадила её на землю...

А на следующий день в зоопарке появилась весёлая кенгуру по имени Салли. Зверюшки весело встретили её, стали знакомиться.

Медвежонок Бурма тоже потопал знакомиться. Он протянул Салли свою лапу:

— Бурма!

— Салли! — приветливо кивнула кенгуру и крепко пожала ему лапу.

— Я известный боксёр! — сказал Бурма. — Давайте устроим показательный бой!

Кенгуру Салли немного растерялась. Она ещё не знала обычаев этого парка и подумала, что, наверно, так и надо.

— Я согласна, — ответила она.

— Но вам всё равно меня не победить! — предупредил Бурма. — У вас передние лапы вон какие короткие!

«Самоуверенный медвежонок, — подумала кенгуру. — А что у меня нижние лапы длинные — не заметил!»

Все обитатели зоопарка собрались на детской площадке.

Обезьяна Афродита помогла обоим спортсменам натянуть перчатки.

— Начинайте, начинайте! — нетерпеливо кричали зрители. Им хотелось побыстрее увидеть необыкновенное соревнование.

И вот молодые спортсмены сошлись посередине арены.

Медвежонок размахнулся...

Р-раз!..

Но удар пришёлся мимо — кенгуру Салли отскочила!

Бурма изо всей силы размахнулся ещё раз — то же самое!

Салли ловко отскакивала на своих длинных пружинистых лапах. А потом быстро наносила удары короткими передними лапами.

Бурма ничего не мог сделать.

Первый раунд закончился в пользу Салли.

Медвежонок сел в траву перевести дух. Почесал перчаткой затылок...

И тут ему в голову пришла чудесная идея! Кенгуру лихо прыгает — нужно попробовать то же самое!..

Во втором раунде только Салли пошла в наступление, медвежонок Бурма изо всех сил прыгнул вперёд — навстречу Салли.

— Наконец-то ударю метко! — азартно крикнул медвежонок.

Но что такое?..

Бурма прыгнул, но на землю не опустился!..

Медвежонок зацепился за край сумки, на животе кенгуру.

— Это нечестно! — запротестовал Бурма. — Это не по правилам!

Но все вокруг весело смеялись — и по-заячьи, и по-обезьяньи, и лиса хохотала, и зубр улыбался... Бурма притих.

А кенгуру осторожно сняла Бурму, взяв за лапу, и сказала:

— Разве ты не знал — у каждого кенгуру на животе есть сумка! Ну-ка слезай да иди к своему приятелю Мурме — он ждёт тебя!

Поплёлся Бурма к Мурме.

Идёт и сам с собой вслух разговаривает:

— Почему я проиграл? Ну почему я проиграл?.. Ага! Понял! Надо соревноваться со спортсменами своей весовой категории!

— Дорогой Мурма! — сказал Бурма. — Ты меня извини, что не хотел тренироваться с тобой!

Бурма был отходчив.

— Ладно, прощаю! — ответил он. — Только больше не хвастай!..

И медвежата стали тренироваться. А когда устали, взяли бумагу, краски и большими буквами написали объявление:

ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ!

Завтра начинается соревнование на первенство нашего зоопарка по боксу среди медвежат!

ПОЧЕМУ СИНИЧКА ПОВЕСЕЛЕЛА

Ранним утром Синичка выглянула из своего гнёздышка в дупле высокого ясеня. Посмотрела на снежные сугробы, на заячьи следы возле старого пня. И вдруг... громко запела.

Запела и удивилась:

— Почему мне так весело? Деревья ещё чёрные, совсем голые, ни единого листика, хотя бы жёлтого.

Птичка выпорхнула из дупла и полетела к знакомой рябине, на которой ещё сохранились ягоды. Ве-

тер ночью сорвал их с веток, и теперь они красными бусинками горели на снегу.

Синичка поклевала вкусные ягоды и опять запела...

Потом вспомнила, что радоваться вроде бы нечему, и развела крылышками:

— Почему мне так весело? Всю ночь ветер дул, ягоды посрывал, сугробы под деревья намет!

Синичка взлетела на высокую берёзу, покачалась на тонких ветвях. И опять... запела.

— Почему мне так весело сегодня? — удивлялась птичка. — Надо у кого-нибудь спросить.

И она полетела на лесную поляну — там птицы всегда собирались поделиться новостями.

Сегодня на поляне был настоящий птичий базар. Все звонко щебетали, свистели, кружились над чёрной полоской среди белого снега.

Наша Синичка посмотрела на полоску и тоже обрадовалась:

— Теперь я знаю, почему мне весело! Сегодня солнышко поднялось выше и проступила чёрная проталина. Я даже слышу, как звенит под снегом ручеёк. Скоро наступит весна, всюду будет тепло и весело!

Синичка на радостях взмыла над лесом и запела самую лучшую песенку, какую только знала:

— Цинь-цинь-цинь-цинь!

ЁЖИК И СОЛОВЕЙ

Когда весной из-за моря в родной лес вернулся Соловей, Ёжик обрадованно выглянул из своей норки под кустом боярышника и стал ждать сумерек.

А солнышко в последний раз скользнуло по зелёным верхушкам деревьев. И вдруг послышалась нежная трель:

— Тюви-тюви-тех-тех-тех!

Ёжик сложил иголки, закрыл крошечные глазки и слушал, слушал.

Нежные звуки чередовались со звонкими, жалобные — с радостными. Соловей пел о том, в каких дальних странах он побывал, но всё равно вернулся на родную землю, в свой лес.

Соловей пел, не смолкая, до самого утра. И Ёжик просидел под кустом до рассвета, слушая лесного певца.

Потом к Соловью прилетела подруга, и они начали вить гнездо. Вскоре там уже лежали зеленоватые яички.

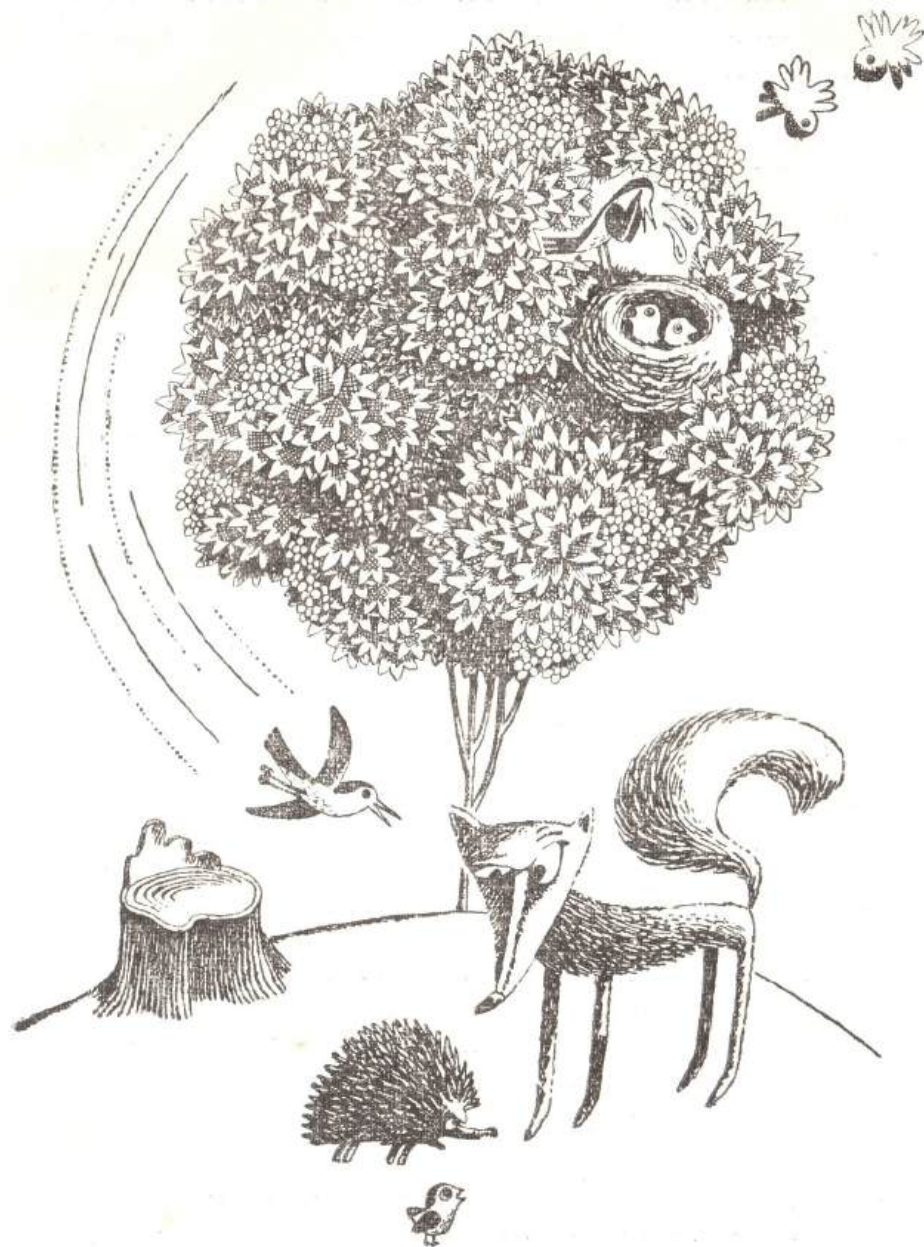
Гнездо висело на кусте низко над землёй. Но соловьи несколько не пугались Ёжика. Им нравилось, как он ночью шуршал прошлогодней листвой, как фыркал, искал жучков.

Теперь Соловей уже не пел, потому что в гнезде появились соловьята. Их надо было кормить, ловить гусениц, насекомых.

Однажды налетел сильный ветер, качнул куст, и один Соловьёнок вывалился из гнезда на землю, в прошлогоднюю листву. Нет, птенец несколько не ушибся! Ему даже интересно было на земле, под кустом. И Соловьёнок очень удивился, недоумевая, отчего мама и папа так испугались, когда увидели рядом с ним большого рыжего зверя. Соловьёнку зверь этот понравился, и он свистнул:

— Фи-ить! Иди сюда! Какой ты красивый! Фи-ить!

Похоже было, что ни мама с папой, ни Ёжик не пришли в восторг, увидя рыжего пришельца. Ёжик

свернулся коlobком, ошетинился иголками и сердито фыркнул:

— Уходи прочь, хитрая Лиса! Или я проткну тебя насквозь своими иглами!

— Ишь ты! — взвизгнула Лиса. — Радуйся, что я сыта сейчас. А то бы проглотила не только этого Соловьёныша! Я знаю, у тебя на животе нет иголок. Стоит только перевернуть тебя на спину...

— Всё равно я не боюсь тебя! — крикнул Ёжик. — И Соловьёнка не видать тебе!

Лиса оскалилась:

— Берегись, Ёж! Запомни, я ещё побываю в вашем лесу!

Соловьёнок рос на земле. Ёжик сложил ему из сухой листвы мягкую перинку. Они быстро подружились. Мама и папа приносили Соловьёнку муравьиные личинки, а Ёжик — червячков, мама давала своему птенчику ягоды, а Ёжик никого не подпускал к Соловьёнку — ни зайцев, ни белок, ни бобров. Чего доброго, обидят малыша!..

Проходили дни, и Соловьёнок научился летать. Но он не забыл о Ёжике, который спас его от хитрой лисы, и частенько опускался с дерева на землю.

Вечерами становилось прохладно, увядала зелёная листва. Наступила осень. Соловьиная семья присоединилась к птичьей стае.

— До свидания, Ёжик! — крикнули соловьи. — Мы улетаем за море, в тёплые края. Уже скоро зима.

— Весной я вернусь и спою тебе песню! — пообещал Соловьёнок.

— До свидания, друзья! — ответил Ёжик и смахнул слезинку.

Он ещё долго стоял под кустом и махал соловьям лапкой, хотя уже не видел их.

В лесу становилось всё холоднее. Земля под деревьями потрескалась — давно не было дождя.

— Беда будет, беда! — каркала Ворона.

Никому не хотелось верить ей... Но вот на горизонте появилась туча, она всё росла, становилась темнее. Навстречу ей плыли другие тучи. Чёрные.

— Прячьтесь! — крикнула Ворона. — Будет осенняя гроза!

И правда.

Вдруг вспыхнуло полнеба, яркая молния пронзила лес. Запылала макушка старого дуба. Горящая ветка упала на сухую траву. Огонь побежал к кустам, где летом росли соловьята.

— Бегите, бегите! — крикнула Ворона.

Всё, что было живое в лесу, побежало, поползло, полетело от страшной беды...

Когда Ёжик вернулся в родной лес, он ничего вокруг себя не узнал. Остались только обгоревшие стволы деревьев да чёрные кусты.

— Всё равно я останусь тут! — сказал сам себе Ёжик. — Весной вернётся мой Соловьёнок. Он не узнает своего родного леса и улетит дальше, если я не встречу его. И мне будет тоскливо без друга...

Ёжик расчистил вход в свою нору, заваленный чёрной хрустящей листвой, потом побежал в овражек, куда огонь не дошёл, — за свежей травой.

Нору нужно было получше прикрыть, чтобы не дуло, не попадал внутрь снег, а весной вода не затекла.

Вернулся Ёжик с листьями, наколотыми на иголки, видит — возле норы стоит Лиса.

— Ага, — злорадно сказала Лиса, — я уж потеряла было надежду поймать тебя. Я голодна, и мне теперь не страшны твои колючки!

Ёжик замер. Он знал: стоит Лисе опрокинуть его на спину и острые иголки уже не спасут его. А что будет с Соловьёнком? Он же не узнает своего леса, не разглядит то место под кустом боярышника, где вырос. И полетит он куда глаза глядят... Хотя бы зелёный кустик остался рядом, и Соловьёнок свил бы себе гнёздышко...

Лиса занесла над Ёжиком свою когтистую лапу:
— Вот я тебя...

И тогда Ёжик собрал все свои силы и приказал сам себе:

«Стань-ка зелёным кустом!..»

— Что такое? — испуганно вскрикнула Лиса. — Это же сосенка, а не Ёжик!.. Надо скорее бежать отсюда. Я, видно, попала в заколдованный лес!..

И Лиса убежала. Навсегда...

Весной из-за моря вернулся Соловей.

Он перелетал с обгорелого куста на куст и заливался тоскливой трелью:

— Неужели это мой лес? До чего же красиво тут было прошлым летом!.. И Ёжика что-то не видно. Он бы встретил меня. А может, я ошибся?..

Соловей взлетел в небо, чтобы напоследок взглянуть на пожарище. И вдруг заметил внизу зелёную сосенку...

— Нет, никуда я не полечу! Здесь жил мой верный друг Ёжик. Вот эта сосенка напоминает мне его! Колючая, но нежная и хорошая!

Соловей сел на сосенку. Ключом стал снимать прошлогоднюю сухую листву, наколотую на иголки. Это были те самые листья, которые Ёжик нёс в свою нору...

— Из этой листвы я совою себе гнёздышко! — сказал Соловей.

И как только солнце в последний раз коснулось обгоревших стволов, уплывая на ночь, Соловей запел...

И даже почерневшие кусты слушали его. А от их корней стали тянуться вверх живые зелёные ростки. Травка поднимала влажные стебельки сквозь серый пепел...

И Соловью показалось — это не сосенка замерла, слушая песенку, это слушает его верный друг — Ёжик.

ЛЕБЕДИНАЯ СКАЗКА

Старый вожак вёл в небе лебединую стаю. Проплывали и оставались позади города, синие реки, тронутые осенними красками леса.

Дорогу с севера на юг вожак знал хорошо. Многие годы только ему, самому мудрому старцу, лебеди доверяли вести их к тёплому морю.

На этот раз вожак волновался. Молодые лебеди устали и начали отставать, а до остановки было далеко.

— Веселее, веселее! — подбадривал вожак птиц, которые летели сзади. — Ещё немного — и мы сядем на тихом озере!

Вместе с темнотой надвигались тяжёлые тучи. Сердито загрохотал гром. Начиналась гроза...

Сверкнула молния, и птицы растерялись. Мгновение — и они начали терять друг друга, оторвались от вожака в темноте.

Старый Лебедь взмыл выше и начал созывать птиц:

— Собирайтесь все вместе! Не бойтесь ливня! Собирайтесь!..

Но вокруг была только тьма...

Лебедь опять ринулся вниз к стае и увидел там птиц, метущихся из стороны в сторону. Они могли погибнуть!..

— Летите за мной, летите скорее, гроза скоро кончится! — крикнул вожак.

Он без страха летал, собирая отстающих лебедей, и в это мгновение в него ударила молния!...

Яркими звёздами засверкали крылья и гордая голова Лебеда.

Птицы увидели эти пылающие звёзды и всей стаей, определив по ним дорогу, полетели дальше, а потом опустились на тихое лесное озеро...

Сколько воды с тех пор утекло, а лебеди, как и прежде, по этим ярким звёздам находят верный путь в высоком небе...

СЛОН И МЫШКА

Слон рассвирепел так, что в джунглях стон стоял. Могучие деревья, как траву, он выдирает с корнем.

Собрались звери — что делать? Кого на мирные переговоры послать?

Послали Тигра...

Не вернулся.

Слон его обхватил хоботом — на дерево забросил.

Послали Обезьяну...

Не вернулась.

Слон её на гору метнул.

Послали Крокодила.

Не вернулся.

Слон его в пропасть толкнул.

Кому теперь идти?

Дрожат звери:

— Может, Мышка, ты сходишь?

Пошла Мышка и такое сказала Слону, такое сказала!..

Стал он покладистым, смирным. И до сих пор, как увидит маленькую Мышку, обходит её стороной.

Почему?

Догадайся сам!

СОСНОВЫЕ ШИШКИ

Родилась она высоко над землёй на тонкой шершавой веточке своей матери — стройной сосенки. Рядом росли её сёстры — такие же крохотные и красивые, похожие друг на дружку.

Если дети-шишки капризничали, просили, чтобы их качали на ветках ещё и ещё, мама-сосенка пугала:

— Тише, вот я позову белку, и она вас унесёт!

Шишки на всякий случай умолкали...

Но весёлая белочка не трогала их: слишком маленькими они были.

Время шло. На следующий год шишки выросли.

Мама-сосенка подарила им красивые коричневые платья...

Однажды ветка, на которой росла наша шишка, качнулась.

Шишка открыла глаза и с перепугу опять зажмурилась: на ветке сидела рыжая белка! Она с любопытством вертела пушистой головой, оглядываясь, и вдруг обрадовалась:

«Славные шишки! Соберу-ка их на зиму. Будет чем полакомиться!»

И белка сорвала нашу шишку.

«Всё... — подумала шишка. — Конец. Теперь белка упрячет меня в глубокое тёмное дупло!»

Она не знала, что для неё всё это только начало новой жизни.

Едва успела белка сорвать шишку, как послышался выстрел — это пришёл охотник. Белка от неожиданности выронила шишку, и та упала на сухую золотистую листву.

А возле сосенки прошёл охотник и увидел шишку.

— Красивая! — сказал он. — Отнесу её домой больной дочке. Пусть играет.

И охотник бросил шишку в сумку, которая висела у него за плечами.

В сумке было темно. «Неужели я останусь тут навсегда?» — взгрустнула шишка.

Потом она почувствовала, что её берут в руки. И вокруг посветлело. Шишка увидела комнату, кровать и на кровати бледную девочку.

— Держи, дочка, лесной подарок, — сказал отец и протянул ей шишку.

Девочка взяла шишку в ладошки, улыбнулась и стала гладить её.

— Какая красивая... Она из нашего леса? — спросила девочка у отца.

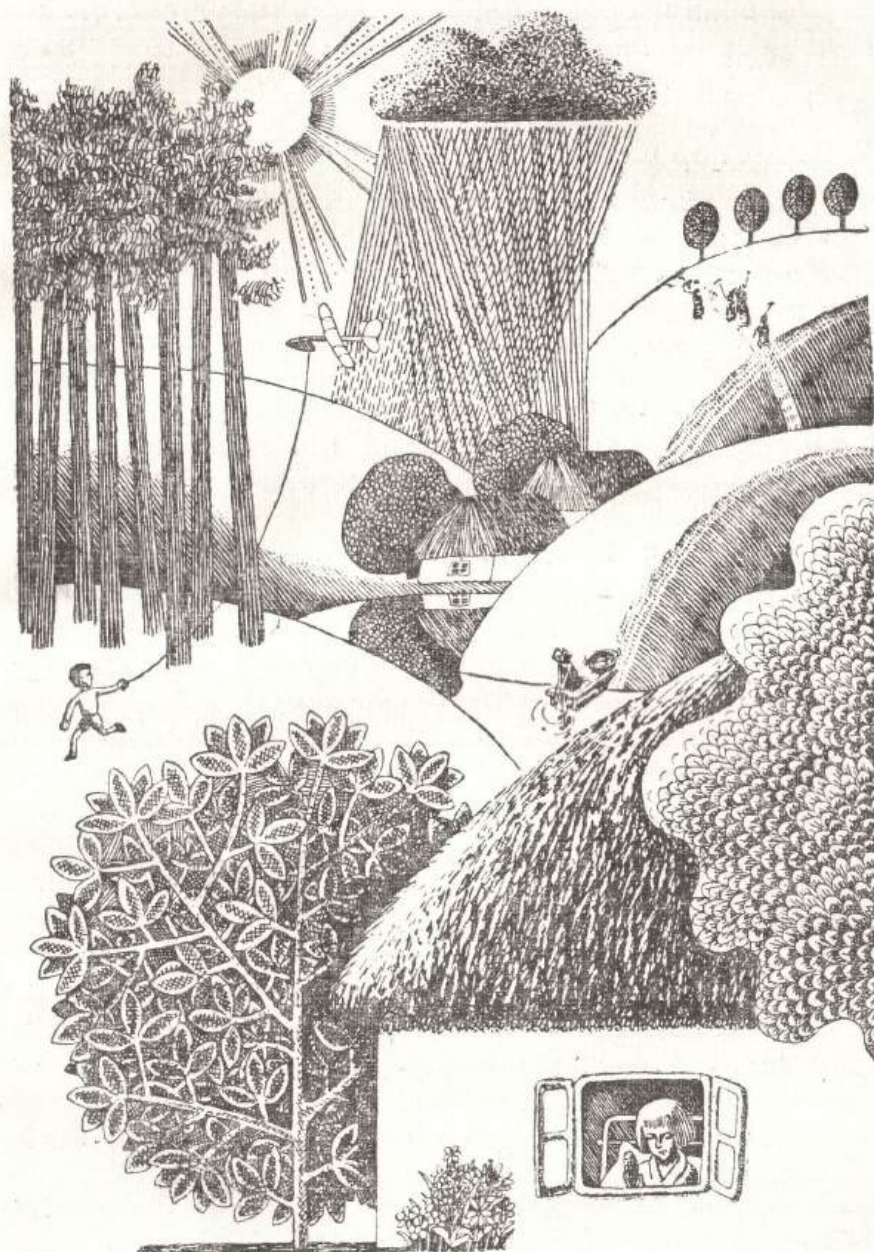
— Да.

— А когда я пойду туда?

— Когда поправишься, дочка.

Девочка поднесла шишку к лицу. Шишка пахла лесом, грибами. Девочка вспомнила подруг и цветы, что растут в лесу на солнечных полянах.

И ей так захотелось поскорее поправиться! Но известно, что поправляется тот, кто этого сильно желает.

Девочка играла с шишкой, пока не устала. Мама дала девочке лекарства и сказала:

— Спи!

Девочка закрыла глаза...

С тех пор шишка стала жить в хате. Ладошки у девочки были тёплые, ласковые, совсем не страшные. Девочка полюбила лесную гостью больше всех своих игрушек и не расставалась с ней. Она сшила ей красивое платьице, но без рукавов. Ведь у шишек рук не бывает.

Короткие осенние дни приходили на смену длинным ночам, ночи — дням. Девочка рассказывала шишке сказки, вечерами пела колыбельные — она их помнила ещё с тех пор, как ходила в детский сад. И теперь укачивала шишку.

Девочке с каждым днём становилось лучше. Вскоре доктор разрешил ей вставать с постели и ходить по комнате.

А когда девочка выздоровела, мама одела её потеплее и выпустила поиграть во дворе.

— Я возьму с собой шишку! — сказала девочка.

На дворе уже была осень. Солнце светило ярко, но не грело.

Деревья стояли тёмные, хмурые. Опавшая листва пёстрыми дорожками устилала землю. Шалун ветер забавлялся: смешает листву, закружит в воздухе, глядишь — на дорожках уже другие узоры.

Девочка обежала вокруг хаты, заглянула за калитку, подошла к цветнику — там летом красовались гвоздики. Теперь они увяли. Только пёстрые флоксы не боялись осени, цвели, как и летом.

Шишка улыбнулась светлому дню и на радостях шевельнула своей коричневой чешуёй. И семена — раз! раз! — посыпались на землю.

Время шло.

Вскоре шишка услышала незнакомые слова: «Новый год». Они звучали всё чаще и чаще.

А как только во дворе закружила метель, в хате появилась новая гостья — кудрявая ёлка с зелёными иголочками на ветвях.

Девочка вместе с папой и мамой украсили её. На ветвях засверкали золотистые рыбки, серебряные птички и зайчики, вверху засияла звёздочка. А когда загорелись красные, жёлтые и голубые лампочки, ёлка стала прекрасной, как в сказке.

Девочка разыскала кисточку, краски. Через мгновение шишка стала серебристой!

Новый наряд шишке очень понравился. Теперь никто из братьев и сестёр не узнал бы её, такой она стала красивой!

Вот и Новый год пришёл. К девочке пришли гости: её друзья, подруги. Они ходили вокруг ёлки, разглядывали её. Всем больше всего понравилась серебристая шишка. Один мальчишка не утерпел, попросил отдать ему шишку.

Девочка вздохнула:

— Не могу... Эту шишку подарил мне папа. Я очень люблю её.

Дети пели новогодние песенки, водили хоровод вокруг ёлки, играли, пока не устали.

Кончились праздники, прошли весёлые каникулы. Ёлочкины зелёные иголочки пожелтели. Если кто-нибудь нечаянно касался её веток, иголочки дружно, как дождик, сыпались вниз.

Отец принёс ящик для ёлочных украшений. Девочка положила вниз деда-мороза, цветные флажки, золотые звёздочки, серебряных птичек, зайчиков, а наверх — стеклянные шарики, чтобы не разбились...

Но серебристая шишка не попала в ящик. Когда снимали игрушки, она незаметно упала на мягкий мох под ёлкой и покатилась к печке.

Девочка пошла играть во двор, а отец разрубил жёлтые веточки, сложил их возле печки и разжёг огонь. Он взял целую охапку палок и бросил их в печку. Если бы отец знал, что вместе с ветками в печку попала и шишка, он бы спас её!

Пламя подползало к шишке всё ближе и ближе. Вот оно лизнуло красным языком её бок, верхушку. Шишка вспыхнула...

В это время в хату вошла девочка. Она каталась с горки на санках, играла с подружками в снежки. У девочки озябли руки, и она протянула их к огню.

«Я здесь, здесь я!» — зашелестела шишка своими чешуйками.

Пламя трещало, пожирая смолистые ветки, и девочка не услышала свою любимую шишку.

Потом она долго её искала...

А когда солнце растопило снег, возле хаты, где осенью упали из шишки семена, проклюнулись зелёные побеги. Они быстро поднимались из земли, на них росли длинные зелёные иголки.

Девочка оберегала побеги, чтобы никто не затоптал их. Она часто вспоминала свою шишку, но так никогда и не узнала, что это из её семян выросли такие славные сосенки.

ЛЕТУЧЕЕ ДЕРЕВО

Облака плывут в небесной лазури. Облака... Вон то похоже на белую розу. Это — на кораблик с парусами. А у самого горизонта будто дерево розовое летит, машет ветвями.

А и вправду было когда-то такое Розовое Дерево.росло на нашей земле, тянулось к чистому небу и мечтало:

— У меня ветви, как крылья. Да и на другие деревья я не похоже. Потому что розовое. Ах, если бы кто знал, как мне тут надоело! Вечно одни и те же берёзки да ясени... Ветер-ветрило, чародей небесный! — умоляло Дерево. — Мне всё равно где жить, только бы с облаками повстречаться, подальше от нашего леса залететь!

— Добро-о-о! — согласился Ветер. — А ну, держи-и-сь!

Он разогнался, обхватил ветви Дерева и поднял его высоко к облакам.

А оно радовалось:

— Ах, как хорошо! Пусть все видят — и Дерево может как птица летать! Пусть все знают: в какой земле захочу, там и пушу корни!

И понёс Ветер Розовое Дерево над озёрами и морями, над горами и лесами. А когда устал, опустил его на лесной поляне корнями в какую-то ямку. Дунул, присыпал землёй.

— Расти на здоровье! Прощай!

Огляделось Розовое Дерево вокруг. Пёстрые птицы летают; высокие, без единой веточки, деревья стоят — только на верхушке большие, как лопухи, листья качаются. Ловкие рыжие зверюшки с длинными хвостами с дерева на дерево прыгают. Жарища такая, что трава жухнет. И ничего похожего на родной лес. Ни белых берёзок, ни ясеней, ни Соловья, который только и знал своё: тюрлю-тюрлю-вить-вить...

Розовое Дерево перезнакомилось со всеми соседями да и стало себе расти. Оказалось, что непоседливых рыжих зверюшек зовут обезьянами. Они

цеплялись хвостами за ветки деревьев, весело раскачивались, забирались на самую верхушку. Яркие птицы пронзительно кричали и свистели днём и ночью.

Вскоре на Розовом Дереве созрели семена. Теперь оно ждало, когда вокруг зашумят листвою розовые кусты — его родные дети. Но семена падали на горячую землю и, наверное, засыхали там. Ни одного ростка не появилось рядом...

Шло время. Розовое Дерево стало уже забывать свой лес.

Прошлая жизнь казалась ему давнишним сном, седой сказкой.

Но однажды ранним утром Розовое Дерево неожиданно увидело на своей ветке серенького Соловья и оранжевую Иволгу!

Дерево очень обрадовалось им и спросило:

— Почему вы не поёте, как эти пёстрые птицы? Разве вам тут не нравится?

— Мы поём только дома, на родной земле! — ответил гордо Соловей.

Птицы погостили некоторое время и стали собираться в обратный путь.

— Уже наступает весна! Снова тепло будет в нашем лесу! — радовалась Иволга.

— А как хорошо, когда на ветвях раскроются первые почки и весь лес закудрявится зелёными листочками, — мечтал Соловей.

Дерево внимательно слушало, а потом тихонько попросило:

— Я одно здесь. — В его шелесте Соловей и Иволга вдруг уловили тоску. — Детей у меня нет... Возьмите, пожалуйста, мои семена, бросьте их в том лесочке, где я родился...

И снова шло время. Теперь Розовое Дерево всё

чаще вспоминало родные края и с нетерпением ожидало Соловья и Иволгу.

— Ну, как там? Проросли из моих семян побеги, живы-здоровы они? — спросило оно.

— Проросли! Поднимаются, зеленеют, живы-здоровы! Вам кланяются, в гости зовут!..

И однажды к Дереву пожаловал сам Ветер-чародей.

— Ну, как тебе в этих краях?

— Домой хочу, на родную землю... — зашеlestело Дерево всеми веточками.

— Но я ведь сказал тебе: моя сила действует только один раз. Отчего же ты тогда не послушалось?

— Пускай шумят осенью холодные дожди, пускай лютуют морозы зимой, всё равно хочу в родной лес!

Ветер заволновался. Взмахнул крыльями. В нём пробудилась дремавшая сила.

— Хорошо, попробую помочь тебе!

...Облака плывут в небесной лазури. Облака... Вон то похоже на белую розу. Это — на корабль с парусами. А у самого горизонта будто Дерево Розовое летит, трепещет ветвями. Родной земле не нарадуется.

ЦВЕТЫ, ДОЖДЬ И ВЕТЕР

Дождь, который жил в Тучке, водил дружбу с луговыми Цветами. Его капли весело падали на землю. А потом из-за Тучки выплывало Солнце, и Цветы мгновенно распускали свои нарядные, ароматные лепестки.

Но однажды издалека, из жёлтой пустыни прилетел Горячий Ветер и разогнал Тучку, где жил Дождь.

Ветер дул, дул один день, второй, третий...

— Ты где пропадаешь, наш Дождик, где? — волновались Цветы. Их прибило серой пылью, они пригорюнились.

Роса ночью помогала Цветам. Но каждая росинка была такой маленькой! Едва наступал рассвет, Горячий Ветер из жёлтой пустыни тут же выпивал росу.

Он дул, дул, дул... И наступил такой день, что Цветы склонили свои бутоны к потрескавшейся земле и зашептали едва слышно:

— Нам тяжело... Мы уже не сможем зацвести!

Никто не услышал их вздоха. Только Пчёлы, которые всегда летали над лугом, удивлялись, почему ни в одном цветке нет сладкого нектара. Пчёлы подумали: «Наверно, весь нектар высох без Дождя!»

И тогда они оставили луг...

Но о беде, которая приключилась с Цветами, Пчёлы не забыли.

— В-з-вз-вз-з! — тревожно гудели беспокойные Пчёлы, торопясь в лес к Птицам.

— На лу-г-гу беда! — известили они Птиц. — З-злой Ветер... Гибнут Цветы! Где Дождь? В-з-вз-вз-з!

Птицы встревожились, тут же взмыли в воздух. Они полетели далеко-далеко, в высокие горы. Птицы знали: там живёт самая большая Туча.

Тёмная Туча вместе с родным братом Дождём спали на вершине огромной Горы.

Они спали крепко и ни за что не хотели просыпаться. Птицы подняли такой шум, так громко щебетали, что сон наконец убежал от Тучи. Она громко зевнула и спросила:

— Кто потревожил меня? По какому делу?

— Это мы, многоуважаемая Туча, — хором сказали Птицы. — Беда, большая беда!

— Где беда! — встревожилась Туча.

— На лугу! На лугу гибнут Цветы от сухого злого Ветра!

— А для чего же я, самая большая Туча! — вскрикнула Туча. — Брат Дождь, скорее просыпайся и садись мне на крылья!

И Туча вместе с Дождём помчали с высоких гор в долину. Они так разбежались на крутых склонах горы, что даже быстрокрылые Птицы не могли их догнать.

И вот увидела Туча луг. Увядавшие Цветы склонились до самой земли. Над ними вихрем кружил, свистел Горячий Ветер из жёлтой пустыни.

Тогда Туча выпустила на свободу Молнию, захотала Грозами и отправила на землю Дождь.

Злой Ветер попробовал помериться силой с Дождём. Но тот мигом прибил к земле его раскалённые крылья. И перепуганный Ветер помчался изо всех сил в жёлтую пустыню пересыпать сухие, колющие пески... Там ему было привольнее.

Дождь щедро поил землю влагой. И привядшие Цветы поднимали навстречу ему свои бутоны.

А в гнёздах сидели, нахохлившись, Птицы, согревали своих взмокших птенцов и приговаривали:

— Ну, довольно дрожать. Дождик этот очень нужный!

Пчёлы ждали, когда кончится Дождь, у себя в улье. Они выглядывали и спрашивали:

— Хорошо ли Дождик напоил наши Цветы? В-з-вз!

И когда весь Дождь пролился на землю, отощавшая Туча не спеша поплыла к своей высокой горе набираться целительной силы.

Из-за Тучи выглянуло солнце. Цветы вначале робко, а потом всё смелее и быстрее открывали навстре-

чу ему разноцветные глаза. Луг ожил, засверкал, зазвенел.

И это было лучшей наградой друзьям — Пчёлам, Птицам и Дождевым Каплям.

МОРЕ

Мальчишка с разбегу прыгнул в волну.

И Море, плеща, ударило о берег:

— Какой ты маленький!

А он, радуясь, хлопал в ладоши:

— Ты такое тёплое и ласковое, ты как бабушкина сказка!..

Ежедневно, год за годом смотрело Море своими бездонными, то ласковыми, то суровыми глазами, как рос Мальчик. Море закаляло его. Учило нежности. Пробуждало жажду вечного движения. И радовалось, глядя, как Мальчик становится Юношей.

...И однажды Юноша спустился со скалы.

Береговой ветер катил волны далеко от берега на пустынный пылающий закат солнца.

Расстояние от скалы до Моря было неблизкое...

Юноша видел это и раньше, но понял только сейчас.

Где-то на самом небосклоне зажгли огни рыбацьи суда. Высоко на мачтах пламенели яркие шары, им подмигивали зелёные и жёлтые огни с палуб.

— А ты мелеешь, моё Море! — погрустнел Юноша. — Неужели тебя предали реки? Они же были верны тебе столько лет!

Мерцающие лучи расходились далеко друг от друга, выводя среди волн причудливые круги...

— Я ухожу от тебя, чтобы вернуть тебе реки!

Тысяча тысяч раз бросалось Море на исчезающие скалы, стараясь взлететь на волнах туда, где когда-то бурлило величаво и вольно.

А ещё через тысячу тысяч раз Море почувствовало: берега уже не прощаются с ним! Берега и сами стремятся к встрече.

— Где ты, мой Юноша! — нетерпеливо волновалось Море. — Реки возвращаются ко мне!..

Море коснулось своих старых берегов и, могущественное, пошло на них в наступление. Казалось, оно уже не ценит старой дружбы. Море разрушало берега медленно, но неотступно. Падало на скалы зеленоватой громадой волн, растравливало солью грубые морщины камней, низвергая их в бездну.

И когда Море особенно неистовствовало, на отвесной скале появился Человек.

— Здравствуй, Море! — сказал Человек. Его глаза, повидавшие многое на свете, просветлели.

Грозовым ударом прибоя о скалу откликнулось Море.

— Кто ты, Человек?! Мне тесно в этих берегах!..

И волна, что поменьше, разбежалась, поднимая брызги:

«Тес-сно!»

— Оно не узнало меня! — Глубокая морщина прорезала лоб Человека. — Ведь это совсем другое Море... Но таким я мечтал видеть его всю жизнь!..

...Свистели ветры штормовой далью, останавливались в бухтах на бессрочный прикол потрепанные бурями суда, молодые капитаны выводили на морской простор новые корабли.

Человек снова пришёл к Морю.

Солёные руки волн взлетали выше скалы и, перед тем как коснуться старческих плеч Человека, бриль-

янтами вспыхивали в его волосах. Выцветшие глаза долго вглядывались в беспредельный, непрестанно меняющийся простор.

Море заволновалось, заклокотало, и высокая волна с шумом бросилась на скалу:

— Какой ты седой, Человек. Как коротка у тебя жизнь!

— Зато ты снова беспредельно, моё Море!..

...Бурлит крутой прибой, подтачивая скалы, мелким жёлтым песком украшает бухты.

Словно детская колыбель в руках матери, медленно качается, дышит Море.

Смуглый Малыш бежит к волнам, и Море, улыбнувшись, накрывает его белыми кружевами пены.

— Какое ты ласковое. Ты как бабушкина сказка! — радуется Малыш.

НА ВЫСОКОЙ ГОРЕ

Послушайте-ка, ребята!..

Рано поутру на поле играли Маричка с Ванюшей.

— Ой, сколько цветов! И все красные! — говорит Маричка. — И веноч у меня красный — из мака. Хорошо бы украсить его синим цветком!..

Маричка огляделась и показывает на гору вдалеке:

— Говорят, вон там растёт синий цветочек. Сорвать бы его для моего венка!.. Но ты ведь не пойдёшь. Испугаешься!

Попробуй усидеть, услышав такое!

Встал Ванюша и полез на высокую гору.

С камня на камень перескакивает, за кусты хватается, всё выше и выше взбирается.

Видит Ванюша: впереди протянулись три тропин-

ки. Которая из них на вершину ведёт? Подходит к Кусту шиповника, спрашивает:

— Как мне на вершину взобраться, к синему цветку?

— Ой-ой-ой! — задрожал Куст листвою. — Не ходи туда! Мне одуванчик на парашюте новость принёс: там свирепствует Он! Голос у него ужасный. Он на тебя зарычит, завоюет, завизжит, а потом как загрохочет! Гора вздрагивает. И глаза у него как после ливня лужа, как болото весной, ещё больше — как озеро в половодье. Лучше не ходи!

— Нет, пойду! — говорит Ванюша.

А с вершины маленький Камушек скачет, за ним Камень, за Камнем Валун грохочет. Со скалы на скалу — стук! грюк! кувырк! Увидели котловину, нырнули туда, притаились.

— Кто это вас так напугал? — спросил Ванюша.

— Испугаешься! — прошептал маленький Камушек. — Сколько живу, не видел такого. Как начал Он надуваться, стал огромным — с этот Валун. А может, и побольше. Потом я уже ничего не видел — убежал вниз, покатился.

— А мы за маленьким Камушком сорвались, — дрожа, сказали Камень и Валун.

— Что же там такое? — удивился Ванюша. И тоже немного испугался. Но не остановился.

Смотрит: Олень мчится, закинув рога на спину. Кричит Ванюше:

— Удирай, мальчик, под гору, в долину. Заяц новость принёс: Он страшен, разъярён — прыгает! Даже я так не умею... Глаза у него навывкате. Посмотрит — все ничком падают.

Остановился Ванюша: что делать? Тоже бежать?

— Нет, не убегу!

И дальше пошёл. Вот и скала, серая, как осенняя туча. За неё и вправду туча зацепилась. Вот и родничок, а чуть подальше синий цветочек.

А в самом родничке что-то как напыжится!

Как вскрикнет!..

Как прыгнет!..

А Ванюша спрашивает:

— Чего это ты, Лягушонок, скачешь?

Маленький зелёный Лягушонок тут и квакнул:

— Да это я от страха!..

КРОКОДИЛЬИ СЛЁЗЫ

Кто там плещется в воде, откуда слышится:

— Фу-р-р! Фу-ф-ф!

Это слонята Биф и Диф купаются в Самом Прохладном и Чистом озере. Потому, что в их стране — Африке — началась самая Большая Африканская Жара.

Плещутся Биф и Диф, обливают друг друга водой из своих коротких хоботов и не знают, что за ними кто-то наблюдает.

А это был крокодил Аллигатор. Он их звонкий смех услышал и приплыл издалека.

Смотрел крокодил на весёлых слонят, смотрел, потом к озеру подполз и говорит:

— До чего же озеро хорошее. И оно всё ваше! А у меня, самого лучшего Заморского Аллигатора, нет такого...

Из его глаз на песок покатались слёзы — крупные, как чечевица.

— Не плачьте, дядя Аллигатор! — сказали ему Биф и Диф. — Залезайте в озеро, купайтесь, сколько хотите! Места всем хватит.

А сами побежали наперегонки в лесок зелёными листиками полакомиться. Наелись вволю и к озеру вернулись.

А оттуда — ой, ужас! — ощерившаяся пасть выглядывает.

Рычит зелёный крокодил:

— Пошли прочь! Теперь это не ваше, а моё озеро!

— Как вам не стыдно, дяденька самый лучший Заморский Аллигатор?! — горько заплакали Биф и Диф.

— А вот и не стыдно. Потому что у меня есть самые острые зубы.

Заглянули слонята в ощерившуюся пасть. Правда — вот такие клыки торчат!..

Попятились они от заморского страшилища.

А крокодил плескался в озере, фыркал и хохотал им вдогонку:

— Было озеро ваше, теперь моё!

И побрели Биф и Диф в дальние джунгли. Туда, где лианы крепкими сетями опутали деревья, куда даже солнце не заглядывает сквозь большие пальмовые ветви, где ночью мигают жёлтыми глазами тигры.

И остались там жить.

Опять началась страшная жара. Такой даже в Африке ни люди, ни звери не видели.

Не выдержали Биф и Диф. Оставили джунгли и к своему Самому Прохладному и Чистому озеру пошли.

Аллигатор их ещё издали увидел. Острые зубы оскалил, хохочет, прямо захлёбывается:

— Было озеро ваше, га-га, — теперь моё!

И на самое песчаное, самое прохладное дно нырнул. Лежит, нежится.

А когда вынырнул, от удивления чуть не захлебнулся.

Возле озера не слонята стояли, а взрослые большие слоны Биф и Диф.

Это издали крокодилу показались они маленькими, как раньше...

— Ну-ка вылезайте из озера! — сказал Биф.

— И поскорее! — добавил Диф.

— Нет-нет, — заупрямился Аллигатор, — это моё озеро, не ваше.

— Что?! — крикнул Биф. — Как это моё? А наше где?

А Диф поднял хоботом огромный камень...

И прогнали слоны обманщика Аллигатора. Ползёт он и плачет. Слезы крупные, как яблоки, на жёлтый песок скатываются. Но ни Бифа, ни Дифа уже не трогали крокодильи слёзы...

Посмотрели слоны вслед пришельцу и окунулись в своё родное Самое Прохладное и Чистое озеро!

— Фу-р-р! Ху! У-ф-ф!

Биф набрал в хобот воды, окатил Дифа. Диф выждал, пока отвернётся Биф, и ну поливать его!..

Только плеск над озером стоит.

А рыжие обезьяны закричали:

— И мы хотим купаться!

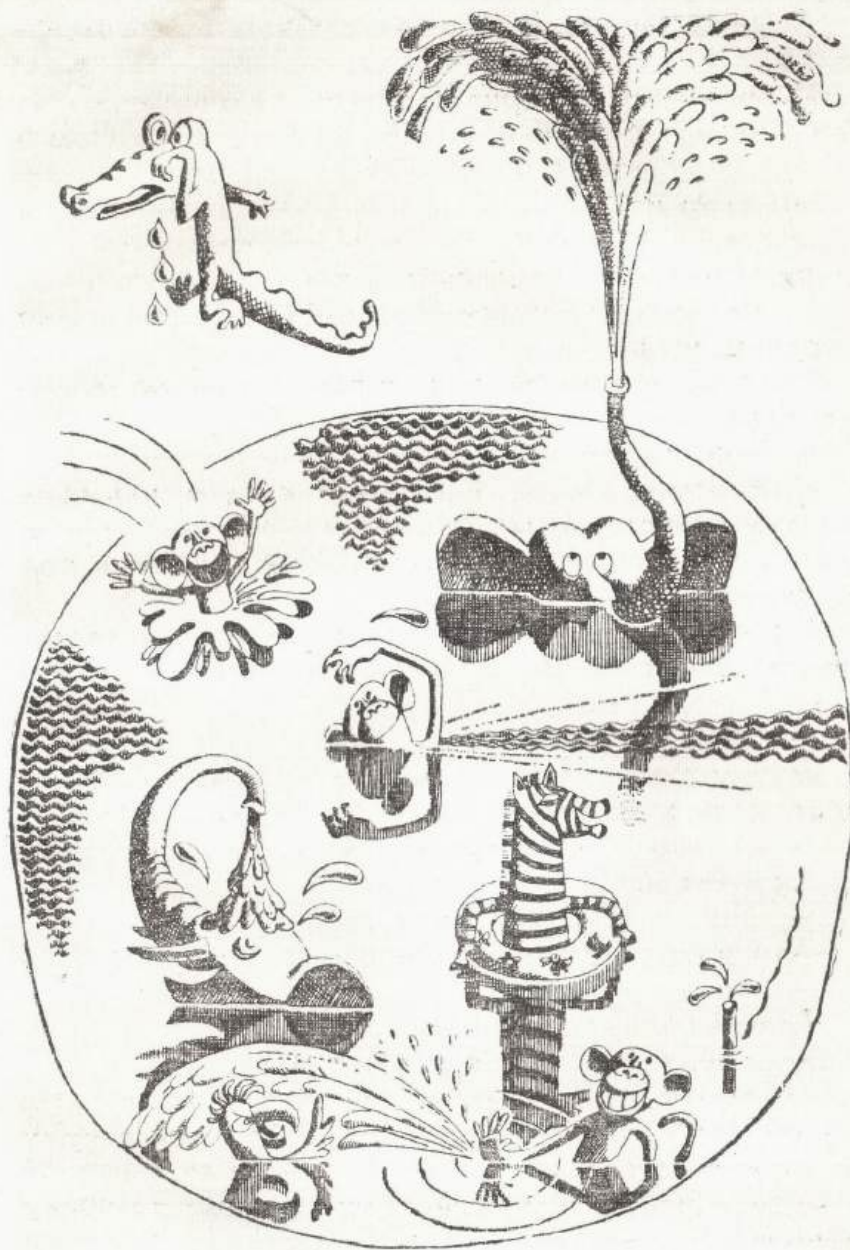
А полосатые Зебры попросили:

— И нам жарко!

Даже Солнце вздохнуло:

— Мне самому невольно от жары!

Стали зверюшки в озере купаться, бороться, водой обливаться. А Биф и Диф набрали полные хоботы воды и ну Солнце поливать. Над всей Африкой поднялись разноцветные фонтаны и пошёл ласковый дождик.

ДВА ДРУГА

Ёжик вырос на горке у моря.

Однажды лунной ночью он спустился на самый берег.

Волна то набегала на камни, то возвращалась в море...

И когда она откатилась назад, Ёжик заметил маленького чёрного Ёжика — он сидел на белом камне и шевелил иголочками.

Ёжик, который спустился с горки к морю, спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Живу, — ответил Ёжик со своего камня. — Я живу на белом камне.

Волна набежала, и чёрный Ёжик скрылся под водой.

А когда волна умчалась в море, Ёжик, который жил на горке, спросил удивлённо:

— Выходит, ты живёшь в море?

— Да. Я ведь Морской Ёжик! — ответил тот. — Я живу в море.

Волна плеснула о берег...

— Ты что больше всего любишь? — спросил Морской Ёжик.

— Молоко. Оно белое и сладкое!

— А я больше всего люблю морскую воду. Она солёная и прозрачная!

И снова волна поглотила их разговор.

Затем Ёжик, который жил на горке, сказал мечтательно:

— А ещё мне нравится луна. Когда она светит, вокруг так красиво...

— А я люблю солнце. Под его лучами я греюсь на моём белом камне.

Ёжик, который жил на горке, пригласил Морского Ёжика:

— Приходи ко мне в гости!

Морской Ёжик вздохнул:

— Не могу! Я без моря не могу. Ты приходи!

— А я в воде не могу. Мне там дышать нечем.

И они оба умолкли, опечаленные.

— Кто же нас разъединил? — спросил Ёжик, который жил на горке. — Неужели мой любимый воздух?

— Нет, — вздохнул Ёжик, который жил в море, — неужели моя любимая вода?

И они опять умолкли...

Потом Ёжик, который жил на горке, сказал:

— Не было бы моря, тебя бы тоже не было.

А Ёжик, который жил на камне, сказал:

— Не было бы воздуха, тебя бы тоже не было...

— Но мы всё равно будем дружить! — сказал Ёжик, который жил на горке. — Ведь в конце концов мы оба — Ёжики!

И они умолкли. Тихо плескалось о берег море. Лунная дорожка подкатилась к самому берегу. И можно было побежать по ней вместе далеко-далеко...

Ёжики сидели. О чём-то молчали. А потом пожелали друг другу спокойной ночи...

ДОБРЫЙ КЛЁН

Весной возле молодого Клёна появился Росток. Тянулся он вверх быстро, но был такой хилый, что Клён сказал ему:

— Держись за меня, тогда и ты солнце увидишь!

— Спасибо! — прошептал Росток. — Я никогда не забуду этого. Будем друзьями.

Росток быстро набирался силы, тянулся вверх и вскоре добрался до верхушки Клёна. Тонкие ветки Ростка с мелкой листвой крепко оплели ствол.

Клён почувствовал, что новый сосед сжимает его, не даёт расти. Но терпел. И только когда ему стало совсем худо, попросил своего ползучего приятеля:

— Слушай, ты не даёшь мне дышать... Не пора ли тебе самому расти? Не всё же время за меня цепляться?!

И тогда сосед зашелестел своей мелкой листвой:

— Эх ты, Клён! Ты даже не спросил, кто я такой. Тот, кто помогает мне, сам погибает. Я, я...

Но он не успел договорить.

К Клёну подошли мальчишки. Посмотрели на него и встревожились:

— Надо спасать деревцо.

И срезали Плющ.

Добрый Клён опять зашумел ветками, зазеленел.

ОЗЕРО

Видишь, вон на том месте пройти нельзя — топко.

А когда-то там было озеро. Чистое, прозрачное. На дне каждая рыбёшка, каждый камушек видны были. Но, о чистоте своей заботясь, поссорилось Озеро с Ручейками:

— Вы только воду мою после дождей мутите. Поворачивайте в другую сторону!

Удивились Ручейки, да что поделаешь — само большое Озеро велело, а они только маленькие Ручейки...

И побежали они стороной, в другую долину.

А одинокое Озеро радовалось: теперь некому воду мутить.

Но вскоре заметило: почему-то мелеет оно. И, позабыв о ссоре, хотело оно позвать Ручейки, но уж так обмельчало, что даже не нашлось у него волны подходящей друзей кликнуть.

ДЕВОЧКА И ОХОТНИК

Дочь лесника Маричка росла в лесу. Она знала всех лесных обитателей, тосковала по ним, если приходилось расставаться.

Шалунья белочка дарила девочке вкусные орехи. Дикie пчёлы приносили мёд. А птицы... Девочка обо всём забывала, слушая их. А птицы с сожалением смотрели на тех, кто ничего не видел, кроме леса, и не знал, какая земля огромная.

— Что мы видели, ой, что мы видели! — захлёбываясь, пел молодой Дрозд, впервые слетавший за море. — Какие там удивительные цветы и деревья! А живут там не люди. Нет-нет, не люди.

— А кто же? — удивлялась девочка.

— Не знаю, не знаю. Только одни из них чёрные, как у меня перья, а другие жёлтые, точно солнце на рассвете.

— Не слушай этого говоруна, Маричка, — вмешивался в разговор издававший виды Дрозд. — Не слушай. В дальних странах живут такие же люди, как и ты, только кожа у них чёрная или жёлтая. Говорят там на удивительных языках и одежду носят не такую, как у тебя.

— О, девочка! — пел в сумерках Соловей. — Знаешь ли ты, что лучше всего на свете?

— Цветы,— радостно отвечала Маричка.

— Мне жаль тебя,— рассыпался трелью Соловей, и нежность звучала в его голосе.— Ты знаешь, что такое любовь? Ничего нет красивее любви!

— Когда я вырасту, меня никто не полюбит! — вздыхала Маричка.— Я такая некрасивая... На меня никто и не поглядит.

— Не горюй, девочка,— каркал старый Ворон.— Всё равно всех нас ждёт смерть. Влюблённые тоже умирают.

— Не слушай Ворона,— тревожно щебетал Соловей.— Влюблённые не боятся смерти!

Но девочка уже ничего не слышала. Она смотрела в лесное озеро, как в зеркало, и горькие слёзы катились из её глаз. Ведь она так некрасива!..

Родители никогда не напоминали дочери об этом. Только молча вздыхали и, чтобы скрыть её лицо, по самые глаза кутали косынкой.

Однако люди, впервые видевшие Маричку, удивлённые, останавливались посреди улицы и восхищённо смотрели ей вслед. Им нравилась стройная фигура Марички, нежные руки и шея.

Прошло лето, наливалась сочными плодами осень. Девочка незаметно делалась ещё стройнее...

Мать смотрела на неё, тревожилась. Ещё немного — и любовь постучится в сердце дочери.

Однажды вместе с родителями пошла девушка в город — поглядеть на состязание лучников. Много искусных стрелков съехалось со всех концов. Но никто не мог превзойти ловкого юношу, сына охотника. Только он попал в самые далёкие мишени, только его стрела, тонко звеня, пропела сквозь двенадцать медных колец и остановила на лету трёх орлов.

Когда все чествовали победителя, его мужественное лицо зарделось от волнения.

Девушка не могла оторвать глаз от юноши. Она не понимала, что с нею творится. Но разве она, такая некрасивая, могла мечтать о нём? Её лицо видели только птицы, зверята, деревья.

Однажды Маричка шла по лесу куда глаза глядят. Вдруг ей послышался стон... Девушка закутала лицо косынкой, только глаза были видны, и ускорила шаг. Под берёзкой она увидела того самого юношу... Рядом лежал дикий кабан.

Маричка остановила юноше кровь — этому она сызмала научилась, позвала родителей, и они перенесли раненого в дом. Юноша так ослаб, что говорить не мог. А как только впервые открыл глаза, спросил:

— Кто ты?

Девушка не стала скрывать:

— Я Маричка, дочь лесника.

— А я Иванко, охотник.

Маричка ежедневно поднималась на рассвете, бежала на лесную опушку, где росли целительные травы. Они дарили ей свои соки-лекарства, чтобы раны Иванка скорее зажили. Маричка так осторожно перевязывала ему раны, что он ни разу даже не застонал. Готовила ему еду, кормила, тихими вечерами песни для него пела. Иванко подпевал ей и с каждым днём всё пристальнее вглядывался в глаза девушки.

Не напрасно тревожилась мать, забыл о покое отец. То, чего они ждали и побаивались, наступило. Юноша полюбил их дочь... Но ведь он не видел лица девушки! Как только раны его затянулись и он впервые встал на ноги, девушка услышала:

— Скоро я уже смогу бегать... Маричка, ты так добра...— Юноша сказал и отвернулся, покраснев. Потом тихонько добавил: — Зачем ты закрываешь

лицо? Только твои глаза открыты для меня. Они чудесные.

— Ладно,— согласилась Маричка.— Я открою лицо. Только подожди немного...

И пошла девушка подальше, в дремучий лес, где жили три брата-волшебника. К домику самого младшего брата она пришла к вечеру. Постучала в дверь.

— Войди, Маричка.

На лавке сидел старик с седой длинной бородой — до колен.

— Что тебя привело ко мне, дочка?

— Пришла к вам со своей бедой,— сказала Маричка и сняла косынку.

— Вижу,— обеспокоился Волшебник.

— Сделайте меня красивой! — попросила Маричка.— Иванко-охотник полюбил меня, а что у меня такое лицо, не знает.

— Не могу, дочка,— вздохнул Волшебник.— Не в моих это силах. Если хочешь, сделаю так, что в ваших краях солнце погаснет и никто тебя не будет видеть.

— Ой, не надо, дедушка! — испугалась Маричка.— Из-за меня вечная темнота наступит!

Переночевала Маричка у самого младшего Волшебника, а утром к среднему пошла. Только поздним вечером отыскала его. Нащупав в темноте дверь, постучала.

— Войди, Маричка!

Видит — на лавке сидит старик с серебряной бородой до самой земли.

— Что тревожит тебя, дочка?— спросил он.

— Беда у меня,— сказала Маричка и сняла косынку.

— Вижу! — вздохнул Волшебник.

— Если можете, подарите мне немного красоты,— сказала Маричка.— Иванко-охотник полюбил меня, а что у меня такое лицо, не знает.

— Эх, доченька,— пригорюнился Волшебник,— не в моей это власти. Но я могу ослепить всех в ваших краях, и тебя никто видеть не будет.

— Ой, не надо, дедушка! — испугалась Маричка. Переночевала Маричка у среднего брата, а с утра пораньше к самому старшему пошла. Под вечер в дверь постучала.

— Войди, Маричка!

На лавке сидел дед с белой бородой — до самого порога.

— Какая беда привела тебя ко мне, дочка?

— Моя давнишняя беда,— сказала Маричка и сняла косынку.

— Вижу! — сказал Волшебник.

— Дайте мне хоть каплю девичей красоты,— попросила Маричка.— Иванко-охотник полюбил меня, а что у меня такое лицо, не знает.

— Ладно, дочка,— согласился Волшебник.— Это я могу. Станешь ты красавицей. Тебе будет отдана красота самой милой девушки, а твоё горе — ей.

— Ой, дедушка, не хочу я счастья такой ценой!

И ушла Маричка ни с чем. «Если даже волшебники не смогли помочь,— подумала она,— пусть видит Иванко моё лицо. Скорее забудет!» Косынкой кудрявые волосы прикрыла. А лицо — глядите, если не страшно...

К концу третьего дня показался родной дом. У порога сидел Иванко, ждал. Заметила его Маричка, стала как вкопанная — ноги не несут. Вот оно, самое страшное! Сейчас увидит её Иванко — глаза у него охотничьи...

А он почему-то весь засиял и навстречу бросился:

— Неужели это ты?!

«Смеётся надо мной!» — вспыхнула Маричка, повернулась и побежала быстрее ветра в лес. Так, чтобы никто её не догнал.

Затосковал юноша. Подумал, что не понравился он Маричке, и она ушла, не попрощавшись.

Подальше в лес, где нет людей, бежала Маричка...

— Постой, девушка! — услышала она птичий голос: Соловей сел ей на плечо. — Иванко любит тебя, Маричка... И от этого ты стала прекрасна!

ВЕСЁЛЫЙ ЧАРОДЕЙ

Был на свете славный, красивый город, и жили в нём добрые люди. Говорят, были они простые, приветливые и чуточку наивные — такое случается не только в сказке. Они любили солнышко и в день рождения дарили своим друзьям лучики. А ночами, особенно в августе, глядели на пламенеющие звёзды, похожие на цветы, — такие они были большие и яркие — и говорили:

— Сейчас ночь подарит нам на память самую красивую звезду!

И правда, звёздочка стремительно падала с неба. Все протягивали к ней руки, но...

— Ох, наверно, мы не достойны такой чудесной звёздочки! — вздыхал каждый. — Поэтому она и не долетела...

А охранял горожан Весёлый Чародей. Вы, наверно, думаете, что он стоял у ворот города и никого не пускал за его высокую ограду?

Нет, в городе не было никакой ограды и, стало быть, ворот не было. Каждый, кто хотел, мог войти в город — всех тут встречали хлебом-солью.

Весёлый Чародей охранял свой город от зависти, жадности. И оружием у него был смех.

Послушайте-ка...

Все горожане любили читать и ежедневно покупали себе новые книжки — волшебные сказки, песенки, рассказы об удивительных приключениях.

Но вдруг один усатый дяденька перестал читать книжки, а стал скупать ботинки.

— Хочу, — говорит, — иметь вот столько ботинок — больше всех!

Купил он ни много ни мало — двенадцать пар, стал тринадцатую примерять.

В это время подошёл Весёлый Чародей.

Зашнуровал дяденька ботинки, завязал бантиком, хотел пройтись и вдруг как подпрыгнет. Присел на пол — думал обойдётся — и опять: прыг, прыг... Вышел на улицу, а идти не может, только прыгает.

А горожане оборачиваются, хохочут, глядя на усатого прыгуна! Не захотел усатый дяденька быть для всех посмешищем, отнёс в магазин лишние ботинки и стал ходить, как все.

В другой раз молодой рыболов позавидовал бывалому человеку — тот, видите ли, рыбы больше поймал. Взял и вытряхнул ночью из его сетей весь улов.

Рад-радёшенек, что всё обошлось, шёл по главной улице и кричал:

— Смотрите, как мне повезло! А у нашего знаменитого рыболова в сетях пусто!

Посмотрел Весёлый Чародей на его улов и за живот схватился. Все прохожие тоже начали смеяться.

— Молодой человек! А, молодой человек, ты, наверно, в болоте рыбачил — всех лягушек собрал! Вот такой был Весёлый Чародей.

Но пришла в этот город беда — вместе со Злым Человеком. Был он длинный, как колодезный журавль, о себе говорил:

— У-у-у! Я злой. И хитрый-прехитрый!

Только весна наступила. И надо же ещё одной беде случиться — Весёлый Чародей хотел, чтобы весна скорее пришла, взял да и съел последнюю сосульку и заболел. Теперь ему не только смеяться, улыбаться трудно было. Доктор уложил его в постель, поставил компресс на горло, каждый час совал под мышку градусник и тревожно качал головой:

— Какая высокая температура!

А горожане готовились встречать птиц. Они любили всё новое и ежегодно делали скворечни. Этой весной они повесили ещё больше новых скворечен. Любо-дорого посмотреть. А утром проснулись — что такое? Кто это натворил? Разрисовал крыши серыми тучками!

Это ночью длинный, как колодезный журавль, Злой Человек покрасил скворечни. Чтобы скворцы в них не селились.

Горожане, досадуя, сняли испорченные скворечни. Впервые в жизни в этот день в городе никто не улыбнулся.

Следующий день был ещё печальнее.

Почётные граждане собрались на Совет Мудрейших и никак не могли дождаться своего лучшего советника. Он спал до обеда, смотрел увлекательные сны о Мудрейших Советниках. А когда жена наконец растолкала его — он посмотрел на часы и сказал: «Не мешай сны смотреть, ведь ещё так рано», —

и перевернулся на другой бок. А всё из-за того, что Злой Человек незаметно испортил ему часы — стрелки в них передвигались медленно, медленно...

А на третий день перестал улыбаться даже Трубочист, который никогда не унывал. Злой Человек бросил в его тарелку с супом целую горсть соли...

Грусть и тоска поселились в городе. Никто даже волшебных сказок и удивительных приключений не читал. Солнце нахмурилось, за тучи спряталось.

И тогда к Злому Человеку пришёл Весёлый Чародей. Доктор принёс ему подарок от восточного лекаря — лимоны, и к утру он поправился.

— Где же твоё чародейство? — сказал ехидно Злой Человек. — Вот я и победил тебя!

— Да ну?! — удивился Весёлый Чародей. И вышел на улицу.

А на улице, встав в круг, грустные горожане пели грустную песенку про бабушку, у которой злые волки съели серенького козлика.

Послушал Весёлый Чародей эту песенку и говорит:

— А может, веснянку споём? Весна на дворе!

— А может, веснянку!.. — вздохнул один.

— А может, и не споём!.. — вздохнул другой.

Весёлый Чародей не стал ждать, запел веснянку сам.

Но в кругу все молчали.

И вдруг с крыши робко подал голос чёрный как сажа трубочист.

Потом песню подхватил мальчишка — ему хотелось прыгать, а не плакать.

В кругу кто-то улыбнулся. А когда улыбается один, другому тоже веселее делается. Вот почему веснянку стали петь ещё двое.

А за ними ещё двое, а за ними и весь круг. Стали все петь, притопывать, на дуде играть, в бубен выстукивать.

Даже солнце удивилось — из-за тучи выглянуло: неужели в город веселье вернулось?

А Весёлый Чародей подошёл к дому, в котором поселился Злой Человек, и крикнул ему:

— Эй, злюка-закорюка! Тебе и невдомёк, что, где песня, там и смех! Ну-ка выходи, мы и тебя научим петь и смеяться!

Но из дома никто не отозвался.

Злой Человек убежал...

ТАИНСТВЕННАЯ РУКОПИСЬ

Я нашёл эту рукопись возле детской карусели. Это была история, записанная каким-то неизвестным мудрым путешественником, которому уже много лет и который, возможно, до сего времени неузнанный живёт среди нас.

А в рукописи было написано вот что:

«Однажды на рассвете, когда утренняя заря только-только проснулась и, нежась, раздумывала, вставать ей или нет, услышал я грохот и лязг, доносившиеся издалека.

«Кому это в такую рань не спится?» — подумал я.

Взбираюсь на холм. Вижу — в низине город, каменной стеной опоясан, на башнях перекликается стража: а вдруг из-за гор покажутся недруги? Вот загремели огромные ржавые цепи, заскрипели ворота и легли мостом над глубоким рвом, заполненным водой. Часовые впустили караван верблюдов какого-то восточного купца. Незаметно вместе с караваном и я прошёл в город.

Мимо роскошных дворцов и бедных хижин без окон заторопился к тому месту, откуда доносился грохот. Это чёрные рабы бухали молотами по четырёхугольному памятнику, силясь сдвинуть его. Пыль столбом...

Увидел прохожего, спрашиваю:

— Зачем рабы так надрываются?

— Разве ты не знаешь, чужестранец? Тут был памятник предыдущему царю Далдону Великому и на нём надпись: «Слава мне, мудрому и вечному Далдону, которого боятся все князья, короли и султаны от моря до океана». А потому наш новый царь Талдон Непобедимый повелел...— Тут прохожий умолк, трижды поклонился белокаменным стенам дворца и опять заговорил:— Повелел этот негодный памятник снести и соорудить новый, невиданной красоты, с такой надписью: «Слава мне, мудрому и вечному Талдону, которого боятся все князья, короли, цари, императоры, султаны и падишахи от океана до океана».

«Вот почему рабов подняли так рано!» — подумал я. А вслух сказал:

— Важные дела! Должно быть, у вашего царя нет иных забот, кроме походов на соседей да памятников, которые потом ставят в честь побед...

Только я произнёс это, вижу — нет прохожего. Задрожал и куда-то исчез. Из-за угла выскочили двое мужчин с чёрными нарукавными повязками, молча схватили меня и поволокли.

— Так это тот самый наглец, который утром незаметно в город пробрался и теперь памятниками интересуется? — грозно крикнул какой-то страшный великан.

— Он самый!

— Держите его крепче, держите, чтобы никуда не убежал.

Так я очутился в темнице под охраной стражников.

Один стражник наклонился к другому, что-то прошептал ему на ухо. Но я тоже расслышал.

— Слушай, брат, новость! Под старым памятником нашли ещё один, более старый, а на нём надпись царя Балдона Гневного: «Славу мне, мудрому и вечному Балдону, которого боятся все князья и короли от моря до моря».

Я улыбнулся. Стражники нахмурились. Не сдержался, говорю:

— Копайте дальше, да повнимательнее! Ничего не пропустите.

Стражники выбежали, но пришёл великан.

— Чужестранец, чему ты улыбаешься? Сам великий царь Талдон Непобедимый удивился и требует тебя к себе. Смеяться в нашем государстве может только он, мудрый и вечный!

Талдон Непобедимый был низкорослый, рыжий, а меч у него в два раза длиннее его самого.

— Стой,— сказал он,— не подходи, а то убью!

— Зачем звали?

Первый советник, длинноногий, как цапля, не глядя в мою сторону, объяснил:

— Всем известно, что наш великий царь не позволяет людям подходить к себе близко.

Я остановился.

— Чужестранец,— лениво процедил сквозь зубы Талдон Непобедимый,— тебя ждёт тяжкая кара, потому что ты улыбнулся без моего ведома. Скажи нам, почему ты улыбнулся?

— Скажу. Я подумал: быть может, под тем памятником есть ещё один, и мне стало смешно.

Царь кивнул первому советнику. Тот подбежал к распахнутому окну:

— Э-эй, рабы, копайте дальше!

А обо мне, кажется, забыли...

У Талдона, должно быть, все дела шли по заведённому порядку, потому что царь тут же слез с трона и стал делать упражнения с мечом. Он то подпрыгивал, держа его в правой руке, то, схватив меч обеими руками, крутил им над головой.

Перепуганные советники жались к стенам.

Вскоре вбежал слуга:

— Великий царь, нашли остатки ещё одного памятника!

— Говори скорее, кого ещё я затмил могуществом и славой?!

— Там написано: «Слава мне, мудрому и вечному Чалдону, которого боятся все люди и князья от озера до озера».

Придворные стали восклицать:

— Сколько царств было до нас, и все исчезли!

— Вы в самом деле непобедимый и вечный!

Но слуга кашлянул и что-то сказал на ухо первому советнику. Тот важно подошёл к трону, остановился:

— Великий царь, там ещё одна надпись!

— Какая?

Первый советник кивнул слуге:

— Говори!

— Великий царь! Под последним памятником сплошная скала, а на ней выбиты слова: «Слава народу, мудрому и трудолюбивому, вечен только он».

И тогда я от души засмеялся...

— Вот почему ты смеялся с самого начала! — яростно крикнул Талдон.

Остриё меча сверкнуло возле моей груди.

Но я опередил Талдона, схватил солнечный лучик и запустил им в глаз царя. Лучик ослепил царя, и он промахнулся. Не удержавшись на ногах, царь покатился по гладкому полу.

Пока растерянные придворные ломали голову, как помочь своему царю — ведь подходить к нему близко не разрешалось, — я покинул дворец...

Во второй раз я попал в этот город, спустя целую вечность.

Вместо каменных стен я увидел тенистые сады. От хижин и следа не осталось. Красивые дома стояли вдоль широких зелёных улиц, по улицам шли весёлые прохожие...

Дочитал я эту странную рукопись и заторопился к тому месту, где цари когда-то возводили себе вечные памятники.

Теперь на том месте был построен детский городок с каруселями, горками, весёлыми сказочными теремами, а неподалёку — знакомая мне скала. Я увидел гордую надпись:

«Слава народу, мудрому и трудолюбивому, вечен только он».

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА БУМБОМА

*Волшебнику моего детства —
Александру Нопыленко*

Эта сказочная история произошла в Самом Красивом Городе, на берегу седого Днепра.

Началась она на Самой Звонкой Улице — на ней все вечно куда-то спешат, бегут и на самом людном перекрёстке часто дежурит милиционер.

Поглядишь на этого милиционера — ну прямо

жонглёр, до того он ловко машет своей полосатой палочкой. Все ребята так ему завидовали, что хотели тоже стать милиционерами.

Взмах! — и горожане, взрослые и дети, шагают по звонкому асфальту.

Взмах! — и машины, зелёные и синие, жёлтые и красные, срываются с места.

Но был один человек, который именно в это время, задумавшись, ступал на тротуар. И тогда милиционер мгновенно останавливал мчащиеся автомашины и подходил к человеку. Он отдавал ему честь и о чём-то строго говорил, но глаза у него в это время улыбались.

Прохожие удивлялись:

— Должно быть, милиционер остановил знаменитого спортсмена. Смотрите, какие крепкие руки у него!

— Вы ошибаетесь, это учёный, — говорили другие. — Идёт, задумался, ничего вокруг себя не замечает.

— Извините, но вы тоже ошибаетесь, — вмешивались третьи.

— Это или поэт, или певец. Смотрите, на плече у него птичка сидит!

Но все они были неправы, потому что человек, к которому подходил строгий милиционер, был столяр Сидор Иванович.

А теперь, когда вы узнали его имя, скажу вам — так его никто не зовёт.

Его очень любили дети, потому что столяр мастерил для них карусели. Вечерами, заканчивая работу, мастер напевал:

— Ти-ра-ре! Си-до-ре!

И детвора переделала его имя на музыкальный лад и звала — Си-до-ре. Весёлый Сидоре!..

...А сейчас, чтобы не пропустить самого интересного, мы быстро пойдём за ним следом — весёлый Сидоре, должно быть, уже в большом парке. Там растут разные деревья. Семена этих деревьев привезли из заморских стран. Они прижились на нашей земле, пошли в рост и теперь вон какие вымахали!

Слышите, слышите, какой писк-свист поднимают птицы?

Это они здороваются с Сидоре.

А он обернулся к Учёному Скворцу, который всегда сидит у него на плече. Скворец этот понимает своего хозяина и даже что-то может говорить ему...

Скворец быстренько порхнул к тополию, откуда доносилось пение. О чём-то пошептался с соловьями, щеглами, коноплянками, чижами и вернулся к Сидоре.

— Всё хор-рошо! Никто-о не боле-е-ет! Сейчас будут пе-еть!

И птицы запели!..

Таких чудесных песен никто и никогда не слышал!

Звонкие трели летели далеко-далеко над парком. Малыши в белых панамках, дедушки и бабушки, весёлые школьники приходили к тополию слушать пение птиц.

А вблизи, под клёном, стоял наш знакомый милиционер. Он всегда торопился, чтобы успеть на птичий концерт после своего дежурства.

Так кто же такой Сидоре? Почему его слушаются птицы?

Сейчас расскажу.

Но сперва о толстяке Бумбومه и его золотой клетке.

Жил-был толстяк. И голос у него был густой, как из бочки гудел: «Бум-м! Бом-м!»

Потому его так и прозвали — Бумбом.

Был у Бумбома сад и уютный дом. А в доме у него стояла на подоконнике золотая клетка.

По воскресеньям брал Бумбом свою золотую клетку и ехал с ней на птичий рынок.

Сколько певчих птиц там было! Дрозды, чижи, щеглы, скворцы беспокойно прыгали в деревянных клетках.

Мальчишки так и шныряли везде...

Седые старики, которые знали всё о каждой птичке, чем и как её кормить, когда спать укладывать, часами слушали голосистых пичужек.

Но даже старики отходили в сторону, когда на рынок приходили Сидоре и толстяк Бумбом. Оба они обожали птичье пение. Наверное, никто не любил так слушать птиц, как Сидоре и Бумбом!

Но между собой они не дружили. Часто ссорились.

Бумбом всякий раз старался перехватить у Сидоре птиц. И всё ради того, чтобы посадить их в свою золотую клетку! Толстяк считал, птицы лучше поют в дорогой клетке, чем на свободе. И он покупал для них букашек и зерно. Но птицы почему-то тосковали в клетке толстяка.

А Сидоре покупал птиц и выпускал их на свободу!

— Трудно птичке петь в клетке, если даже эта клетка золотая! — говорил Сидоре.

Все птицы, которые жили в Самом Красивом Городе, в его окрестностях и лесах, любили Сидоре. Голуби приносили ему вести от друзей, петухи поднимали по утрам на работу, а кукушки куковали долгую жизнь.

Вот такой был Сидоре!

Но однажды, когда птицы уже перестали петь в

парке и малыши с бабушками и дедушками ушли домой, Сидоре сел на скамейку и задумался.

Был он грустный, грустный — таким его никогда ещё не видели.

Хлопотунья осень уже начала украшать землю, разрисовывать всё красками, которые ей больше всего нравились, — жёлтыми, красными, медными. Но Сидоре не замечал окружавшей его красоты и только тяжело вздыхал.

— Что с тобой, Сидор-ре? — спросил учёный скворец.

И тогда Сидоре рассказал, почему он такой грустный.

— Милые мои птички, уже целую неделю я не знаю покоя. Толстяк Бумбом купил и упрятал в свою золотую клетку самую лучшую Коноплянку, какая только есть на свете. Эта птичка раньше пела, как волшебная свирель, а как только попала в клетку — петь перестала, только пищит. Сам слышал, когда однажды проходил мимо окон Бумбома. Вот почему мне так тяжело...

Сидоре встал и, опустив голову, пошёл куда глаза глядят.

Учёный скворец остался с птицами. Они молчали... Потом вдруг защебетали все вместе:

— Надо освободить Коноплянку!

— Летим к Бумбому!

Птицы тут же вспорхнули...

Вот уже яблоневый сад.

А вот и приземистый, как и хозяин, дом Бумбома.

— Глядите, форточка открыта!

— А на подоконнике золотая клетка!

Птицы впорхнули через форточку в комнату Бумбома.

— Жива-здоровая, сестричка?

— Как открыть твою клетку?

Птицы клювами стали дёргать дверку, стараясь сбить золотой крючок.

Но красивая Коноплянка почему-то совсем не обрадовалась. Она нахохлилась и обеспокоенно пискнула:

— Перестаньте! Что вы делаете? Мне хорошо в клетке!

— Как — хорошо... в неволе?

— А вот так! — ответила Коноплянка. — Сначала было плохо, а теперь хорошо: и тепло, и уютно. Бумбом для меня ничего не жалеет, вкусными бу- кашками кормит, а я песни ему пою.

— А не споёшь ли ты нам то, что поёшь своему Бумбому? — спросил Учёный Скворец.

— Да, да, спой! — стали просить птицы.

Коноплянка вскочила на золотую жёрдочку:

— Слушайте!

И писклявым голоском она запела о несчастных цветочках, о том, как они, бедные, растут на воле, как их прибывает к земле ветер и как приятно жить в тёплом доме и не знать забот!..

Коноплянка умолкла. Молчали и птицы.

— Так... — наконец подал голос Соловей. — А мы думали, что ты не оставишь нас. Ты, наверно, слышала про доброго и весёлого Сидоре? Он научил нас песням, которых ты не знаешь. Они такие звонкие!.. Что ж, оставайся в своей золотой клетке. Ты совсем разучилась петь.

— Как — разучилась?.. — встрепелась Коноплянка.

— А вот так. На свободе поют другие песни! — ответили птицы и вспорхнули с подоконника.

Вот перед ними распахнутая форточка, а за ней всё, что успела забыть в своей золотой клетке

Коноплянка, — высокое небо, солнце, вольные на- певы.

И вдруг — щёлк! — форточку закрыла чья-то толстая рука.

Это был толстяк Бумбом!

Птицы испуганно защебетали, беспорядочно за- метались по комнате. А довольный Бумбом прикрыл за собой дверь и молча начал гоняться за ними с большим сачком в руках.

Он ловил птиц, бросал их по одной в большую проволочную клетку и, тяжело дыша, приговаривал:

— Идите ко мне, родненькие, идите, маленькие. Я знаю вас давно, милые мои. Теперь вы будете петь только мне, больше никому! Я ведь не Сидоре — подарю вам не деревья в парке, как он, а каж- дой птичке по золотой клетке и буду кормить, как принцесс. Вот так, мои красавицы... Отдыхайте пока что в этой клетке! Отдыхайте!

Бумбом набросил на клетку чёрный платок. Пти- цы в темноте приумолкли, притаились.

Коноплянка в своей клетке тоже приумолкла.

Довольный Бумбом сел пить чай. Его большое, круглое и красное лицо сияло.

А что в это тревожное время делал Сидоре?

Шёл к Бумбому и думал о Коноплянке в золотой клетке и о разговоре с толстяком. Сидоре знал, какой Бумбом упрямый!

Сидоре постучал в дверь и, услышав громкое «Бум-б!» — что означало «Войдите!», переступил по- рог дома.

— Добрый день, Бумбом! — как можно веселее поздоровался Сидоре.

— Здравствуй, Сидоре! — ответил Бумбом ещё веселее, а сам подумал: «Как быстро он узнал о пленницах!»

— До чего же красива у тебя Коноплянка, Бумбом!—сказал Сидоре.

— Очень! Мне так она нравится!—согласился Бумбом и облегчённо вздохнул: оказывается, Сидоре о птицах в проволочной клетке ничего не знает!

Сидоре отважился:

— Отдай мне, пожалуйста, Коноплянку, Бумбом!

— Зачем она тебе?—насупился тот.—Чтобы выпустить на свободу?

— Да! А каким звонким песням я научу её!

— Она и так поёт хорошо!—сказал Бумбом и добавил гордо:—Ну-ка, Коноплянка, спой мою любимую!

Не успела Коноплянка открыть клюв, как послышался слабый птичий голосок. Он доносился из большой клетки, прикрытой чёрным платком:

— Сидоре, Сидор-ре, спаси нас!

— Как очутился здесь мой Учёный Скворец?—воскликнул пораженный Сидоре и сбросил с клетки чёрное покрывало.

В клетке сидели все его любимые птицы!

— Бумбом, это что же такое? Почему мои птицы тут?—дрожащим голосом спросил Сидоре и бросился к клетке, чтобы открыть её.

— Караул!—завопил Бумбом.—Это мои птицы! Они сами ко мне прилетели. Они хотят жить в золотой клетке!

— А это мы сейчас проверим! Ну-ка, достопочтенный Бумбом, откройте дверку. Если птицы не вылетят, значит, они вправду хотят жить у вас...

Бумбом толстыми дрожащими пальцами приоткрыл дверку, и... порх! порх! порх!—и все птицы выпорхнули вначале из клетки и тут же—за окно!

А красивая Коноплянка смотрела на птиц из своей золотой клетки и почему-то моргала глазами.

Сидоре заметил это.

— Отдайте, Бумбом, мне Коноплянку! Смотрите, она тоже хочет на свободу!

— Ни за что!—закричал рассвирепевший Бумбом.—Эта Коноплянка любит меня больше всех птиц. Она не улетает из клетки, даже если я открываю дверку. Гляди!

И Бумбом открыл дверку.

Птичка мгновение сидела неподвижно, потом робко подошла к выходу и вдруг... тоже выпорхнула из своей клетки!

— Куда же ты, моя дорогая?!—бросился за Коноплянкой Бумбом.

А той и след простыл—улетела!

— Я же ничего для тебя не жалел: ни букашек, ни зёрен!—скулил толстяк. Он выскочил за порог посмотреть, куда улетела его любимая птичка, споткнулся и растянулся на земле.

А Коноплянка была далеко! Всё выше и выше поднималась она в небо. И, наверное, оттуда уже ей видны были горы, синие моря. Потому что голосистая песенка звенела и звенела в поднебесье.

Огорченный Бумбом, кряхтя, поплёлся к себе домой. А весёлый Сидоре в это время уже шёл по Самой Звонкой Улице. Знакомый милиционер улыбнулся ему и козырнул. А Сидоре вдруг о чём-то вспомнил и остановился:

— Да у меня ведь готовы новые карусели для ребят! Нужно научить их кататься. Да и птицы сегодня, наверное, хорошо будут петь...

И он пошёл к своим верным друзьям.

**ОБ АФРИКАНСКОМ МАЛЬЧИКЕ ЛЕННИ,
О СТА ДЕДАХ-МОРОЗАХ
И О ПРИМЁРЗШЕЙ БОРОДЕ**

Произошло это в канун Нового года. Встретились в океане два брата, два могучих ветра — Тёплый из Африки и Холодный с далёкого Севера. За те короткие минуты, пока они летели рядом, ветры всегда успевали рассказать друг другу обо всём, что видели. А каждый из них встречал немало интересного на своём дальнем пути.

То, о чём рассказал Тёплый Ветер в этот раз, очень взволновало его Холодного северного брата, хотя взволновать его было нелегко — характер у него был суровый и твёрдый. Настоящий северный характер!

— Я часто пролетаю, — рассказал он, — над одним африканским городом на берегу океана. Люди в том городе совсем недавно стали свободными, а дети бедняков впервые пошли в школу.

Там живёт маленький мальчик Ленни. Волосы у него кудрявые, а кожа чёрная, блестящая. Как-то он услышал от друзей, что есть страна, где дети на Новый год украшают ёлки. Он даже видел в книжке рисунок: красивое зелёное дерево, всё в ярких, разноцветных игрушках. А приносит детям ёлки Дед-Мороз.

Ленни никогда не видел Деда-Мороза, но ему казалось, что Дед-Мороз очень похож на старого рыбака. У него всегда припасены для малышей красивые морские камушки и интересные сказки.

— А почему нам Дед-Мороз не приносит ёлку? — спрашивал Ленни у своего отца.

— Что ты, Ленни, — улыбался отец. — У нас в

Африке очень жарко. Дед-Мороз тут сразу же растает.

Мальчик пригорюнился. Ему так хотелось, чтобы на Новый год у него была ёлка! С тех пор Ленни стал жить одной мечтой — увидеть зелёную красавицу...

Вот о чём рассказал Тёплый Ветер из Африки своему северному Холодному брату.

И ещё добавил Тёплый Ветер, что Ленни хороший и добрый мальчик. Он всегда помогает матери, слушается старших и не обижает младших — девочку Патти и котёнка Мав.

Задумался Холодный Ветер. Никогда не слышал он такой истории. Покружился над океаном и полетел на Север искать Главного Деда-Мороза.

Прилетел Холодный Ветер на огромную ледяную гору, возвышающуюся среди океана, — на айсберг. На самой вершине айсберга стоял дворец Главного Деда-Мороза. Океанские волны слегка покачивали айсберг. Крепко спал старик. Не сразу удалось разбудить его.

— В чём дело? — спросил спросонок Дед-Мороз. — Разве уже наступил Новый год и мне пора приступать к своим делам?

— Нет, — ответил Холодный Ветер. — До Нового года ещё несколько дней.

— Зачем же ты меня разбудил? Может, мои сёстры Метелицы нанесли мало снега на поля? Или мои младшие братья обленились и не сковали реки льдом? А может, они разучились рисовать узоры на окнах? Или тонок лёд на прудах и малышам опасно кататься на коньках?.. Нет?! Так зачем же ты разбудил меня?

— Не сердись, Дед, лучше послушай, что я тебе расскажу...

— Да-а,— задумался Дед-Мороз, когда Ветер закончил свой рассказ.— Тяжёлую ты мне задачу задал. Это же Африка! Нужно посоветоваться с младшими братьями. Помоги мне собрать их!

Полетел Холодный Ветер над морями, над лесами, над равнинами, созывая всех дедов-морозов.

И вот собрались на огромной льдине сто дедов-морозов и стали совет держать, как помочь африканскому мальчику Ленни.

— Это невозможно,— сказал один из них.— Там такая жара!

— Даже Холодный Ветер не может залететь туда,— заметил другой.— Африка обжигает своим дыханием.

— Подождите,— вдруг осенило самого младшего брата.— Я, кажется, придумал. Я слышал, что завтра в тот город, где живёт Ленни, отправляется пароход из Советской страны. Можно спрятаться в холодильнике на этом пароходе и спокойно доехать до самой Африки!

Старшим братьям это не понравилось. Как зайцу прятаться на пароходе? Так могут поступать мальчишки-шалуны, а не важные деда-морозы! К тому же неизвестно, как там в холодильнике? Но другого выхода не было, и все согласились с тем, что придумал младший Дед-Мороз. Ему и поручили устроиться в холодильнике и отвезти ёлку африканскому мальчику.

...А в это время Ленни всё думал и думал, как найти ёлку. Он попросил охотников взять его с собой в джунгли. Может, там, между другими деревьями, где-нибудь растёт ёлка? Но ни одно дерево не было похоже на то, которое он видел в книжке.

Все, к кому обращался Ленни, удивлялись:

— Что ты? Откуда в Африке такое дерево?

Каждый старался чем-нибудь утешить мальчика. Старый рыбак принёс ему красивых разноцветных рыбок. А охотник подарил маленькую обезьянку. Мальчик поблагодарил за подарки, но всё равно горевал: ёлки не было.

Вечером, накануне Нового года, Ленни лёг спать чуть ли не со слезами. Завтра такой праздник, а ёлки у него нет и не будет!

Утром Ленни открыл глаза...

Что такое?

В углу хижины стояла настоящая ёлка! Невысокая, но до того красивая! Вся в сверкающих игрушках.

«Нет, не может этого быть,— подумал Ленни.— Это сон!»

Мальчик крепко-крепко зажмурил глаза:

«Сейчас гляну — а ёлки нет...»

Он открыл глаза... И правда, ёлки не было!

Перед ним стоял высокий моряк и ласково улыбался.

— Доброе утро, Ленни,— сказал он.— Привет тебе от Дедушки Мороза и от всех моряков нашего парохода!

Моряк отошёл в сторону, и Ленни опять увидел зелёное чудо!

И моряк рассказал Ленни обо всём, что вы уже слышали: о встрече в океане двух Ветров, о том, как сто дедов-морозов держали совет, спорили.

— Сегодня ночью...— Моряк наклонился к мальчику. (Ленни даже рот открыл: что же дальше будет?)— Сегодня ночью я услышал, как что-то как будто скребётся в холодильнике. Открыл дверку

и увидел... Деда-Мороза! Борода у него так примёрзла к стенке холодильника, что он не смог её сам оторвать. А в руках у него была ёлка...

«Ох и замёрз!—сказал Дед.—Здесь холоднее, чем на Северном полюсе!»

Он сделал шаг и очутился на африканской жаре.

«Я начинаю таять!—разволновался Дед.—Кто же отнесёт Ленни ёлку?»

— Пришлось это сделать мне,—улыбнулся моряк.—А Дед-Мороз опять спрятался в холодильник...

Ленни сияющими глазами смотрел на ёлку, на человека с доброй улыбкой. И думал, что сегодня он самый счастливый мальчишка в Африке и непременно позовёт на ёлку всех своих друзей.

ЖИВЫЕ РИСУНКИ

Петрик лежал в постели и скучал. Ему совсем не хотелось спать, и он водил пальцем по коврику над кроватью, будто рисовал...

Вдруг в дверь комнаты тихонько постучали.

«Войдите», — недовольным голосом буркнул Петрик. И подумал: «Кто там так поздно?»

Дверь приоткрылась, и в комнату проскользнули какие-то странные тени. Они были прозрачные, словно нарисованные. Голова, руки и даже ноги у одной тени были белые, у другой — чёрные, а у последней — красные.

«Вы кто такие? Что вам надо?» — удивился Петрик.

«Сейчас ты обо всём узнаешь!» — сердито ответила одна тень. Она подошла к столу, где лежал альбом Петрика, и коснулась пальцами нарисованного стульчика.

Мальчик не успел глазом моргнуть, как стульчик очутился в руках у тени.

И стульчик... начал расти! Тень села на него и, глядя на Петрика сверху вниз, повторила:

«Сейчас узнаешь!»

Луна озарила её.

Это была некрасивая девочка с большим носом, с одной длинной и одной короткой ногой и стоящими торчком волосами.

Петрик узнал девочку! Это был рисунок! Да-да, его собственный рисунок, который он нацарапал мелом на стене нового дома.

Вместе с девочкой пришёл чёрный усатый дворник с метлой. Петрик нарисовал его угольком.

У ног дворника сидел лохматый пёсик. Это тоже был рисунок Петрика, нацарапанный осколком красного кирпича.

Девочка сказала:

«Видишь, какая я уродливая? А всё ты виноват. Зачем нарисовал меня на стенке?»

«А кто тебе разрешил пачкать стены?» — строго спросил чёрный усатый дворник.

«Кто дал пр-раво р-разрисовывать тр-ро-ту-арр!» — зарычал красный пёс.

Петрик немного испугался, но притворился, будто ему всё равно:

«Уходите. Всё это неинтересно. Мне пора спать». И отвернулся.

«Ах, так! — рассердился усатый дворник. И он замахнулся на Петрика метлой: — Ну-ка, поднимайся! Живо!»

«Ско-ррее поднимайся, а то р-разор-ву!» — зарычал пёс.

Петрик неохотно послушался: а то, чего доброго, цапнет зубами!

«Иди за нами!»—приказала девочка.

Впереди шагал сердитый дворник с метлой, за ним Петрик, а позади лохмач и девочка.

Мальчик стал гадать, куда его ведут эти странные рисунки, и скоро понял: дворник, девочка и пёс шли к новому дому, на стене которого их нарисовал Петрик...

Возле дома остановились.

«Сейчас мы будем тебя рисовать! Становись спиной к стене!»—приказал чёрный дворник.

«Пр-равильно!»—добавил красный пёсик.

Дворник, девочка и даже пёс чёрным угольком, мелом и осколком кирпича со всех сторон старательно обвели фигуру Петрика.

И мальчику показалось, будто он начинает таять, как сосулька. Ещё немного, и после него ничего не останется.

«Отпустите меня!—захныкал он.—Отпустите! Я больше не буду рисовать на стенах!» Но девочка, дворник и пёсик всё продолжали рисовать.

«Вот теперь ты тоже стал рисунком,—услышал он голос девочки.—И скоро сам увидишь, приятно ли торчать на стене. Однако ночью ты можешь сойти оттуда и до утра побыть дома.—Девочка посмотрела в глаза мальчику и добавила: — А теперь прощай! Нам пора идти, скоро утро».

Мальчик сошёл со стены и поплёлся домой. Он был совсем прозрачный, тоненькие чёрточки белого, красного и чёрного цветов были едва заметны в лунном свете.

«Как же я теперь на глаза Феде и Аринке покажусь,—думал Петрик. Он забыл, что только по ночам сможет сходить со стены.—Как играть с ними буду? Я теперь такой хилый, что в руках ничего не удержу. Что делать?»

И тут Петрик... проснулся!

Первым делом он посмотрел на свои руки. До чего же хорошо, что они у него живые и загорелые!

На цыпочках, чтобы никого не разбудить, он прошёл на кухню, взял мокрую тряпку. Двери дома тихонько закрылись за ним.

Было раннее утро. Полусонные дворники начинали подметать мостовые.

Мальчик подбежал к стене. На него всё так же, как и прежде, спокойно и молча смотрели меловая девочка, чёрный дворник и красный лохматый пёсик.

Но Петрик знал, что они притворяются. А если ещё где-нибудь нарисовать таких человечков да ещё собаку, они, пожалуй, опять придут к нему.

И Петрик, лукаво подмигнув рисункам, быстро стёр их мокрой тряпкой.

ДОЖДИК

Дождик, Дождик! Почему ты такой глупый?

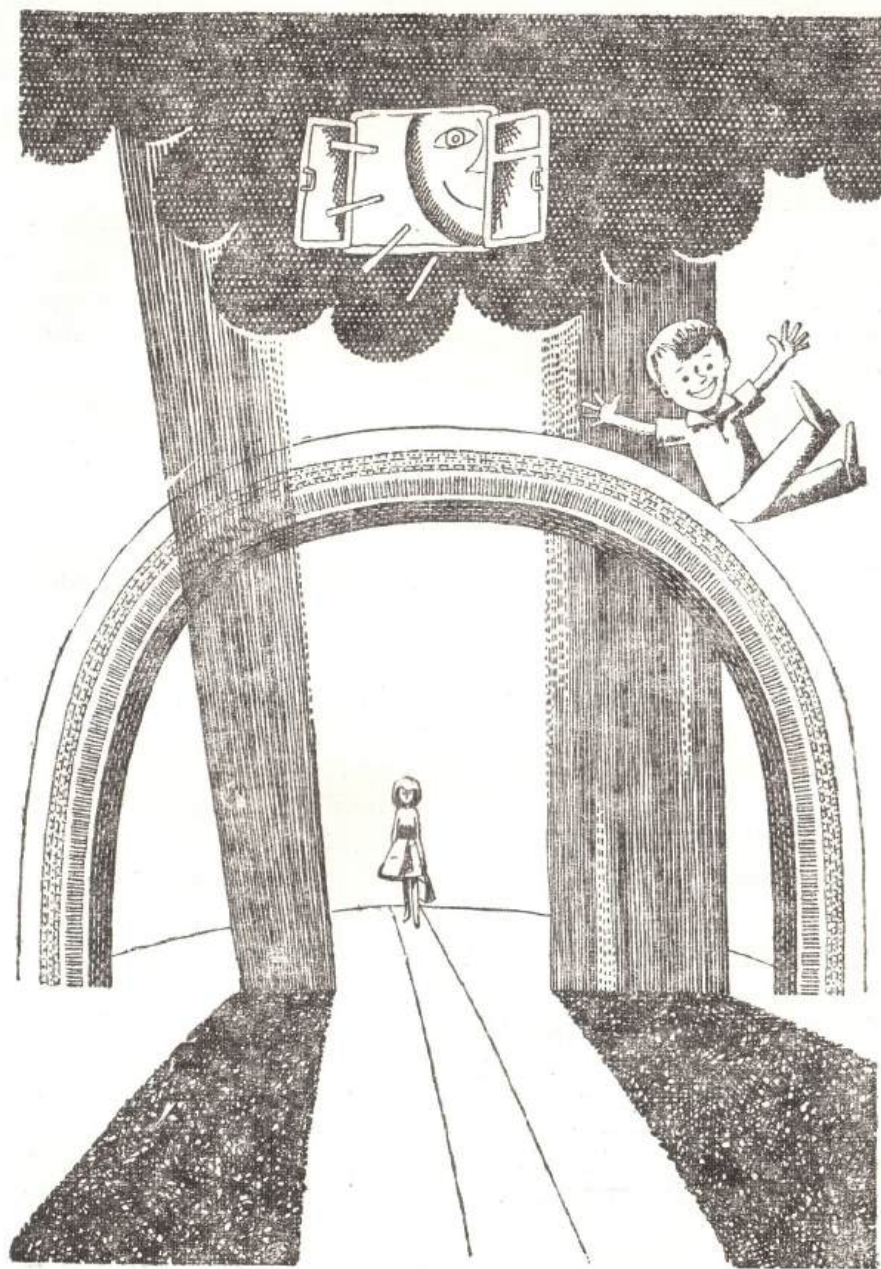
Три дня и три ночи ты всё льёшь и льёшь на крыши, а они только блестят, улыбаясь, и совсем не размокают.

Дождик, мелкий Дождик! Почему ты такой глупый? Зачем ты всё кропишь и кропишь реку? Там и так воды много, а купаться под дождём холодно.

Надоеда Дождик! Вот возьму подымусь на Тучу и найду то большое сито, сквозь которое ты сеешь. Я залеплю в нём маленькими тучками ненужные дырочки и оставлю только нужные.

А ещё я сделаю в Туче окошко — для Солнышка — и переброшу над землёй яркую Радугу!

И когда увижу, что мама идёт домой с работы, крикну Солнышку:

— Улыбнись всеми лучиками—видишь, вон мама моя идёт?

Крикну тебе, глупенький Дождик:

— Дождик, Дождик, припусти на поля, на зелёные луга, а на тропинку, по которой моя мама идёт, не нужно лить!

Скажу Радуге:

— Сияй, переливайся из конца в конец земли цветами-самоцветами—вон мама моя идёт!

А потом спрыгну с Тучи на Радугу и покачусь вниз—ух, совсем не страшно, только ветер засвистит!—и прямо на тропинку стану:

— Добрый вечер, мамочка!

...Дождик, Дождик, хватит тебе литься, перестань.

ВОЛЧЬИ ОЧКИ

Совсем состарился Серый волк—глаза видят плохо и трудно ему стало охотиться. Слышал Серый, что лучше видеть людям помогают очки. Решил он тоже обзавестись очками и объявил:

— Кто мне достанет очки, того я никогда не трону, буду щадить даже всё его племя.

Услышали это зайцы, раздобыли быстренько очки и преподнесли Волку подарок на день рождения. Ведь зайцам больше всех доставалось от волков, вот поэтому они и поторопились с подарком. А Волк остался доволен, стал лучше видеть, но охотился всё равно с трудом, и всегда призывал кого-нибудь из лесных зверюшек на помощь: раздобыть себе еду.

И вот однажды маленький несмышлёный зайчонок, которого звали Серая Лапка, убежал далеко в лес. Он пощипал свежей травки, набегался и хотел

было уже вернуться, но потерял дорогу и заблудился.

Что делать, у кого дорогу домой расспросить?

Глядь — плетётся старый Серый волк. Одно ухо у него разорвано, видно кто-то поцарапал, глаза подслеповатые, а на носу — торчат очки.

Удивился зайчонок, а потом вспомнил, как взрослые зайцы рассказывали, откуда у Серого очки и что после такого подарка он нападал не на каждого зайца. Хотя некоторых он брал себе в услужение и заставлял добывать еду.

— Здравствуйте, дяденька Серый волк, — поздоровался зайчонок. — Тут где-то тропка была к моему родному кусту. Может, видели?

— А как же, — не спеша говорит Волк, — видел. Недаром же у меня вон какие очки! А ты чей? — спрашивает.

— Я мамин. А зовут меня Серая Лапка.

— Ну, значит, ты Серолапченко. — Волк внимательно оглядел зайчонка. — Что-то не слышал я про тебя... А ты где родился?

— Да в лесу возле села Непытайловки!

— Непытайловки? — Волк важно расселся, лапой поправил очки и повторил: — Значит, ты из Непытайловки?

— Из Непытайловского леса, дяденька! Покажите мне туда дорогу!..

Но Волк зарычал:

— Чего ж ты здесь прыгаешь? Или не знаешь, что это уже другой лес? Ты что, географию не учил?

— Нет, дяденька, не учил. Я в лесную школу ещё не ходил.

Волк ткнул лапой зайчонка в грудь:

— Стало быть, ты без разрешения прибежал в мой лес! Перешёл границу без моего ведома! За

это тебя надо было съесть, но я получил от твоих родителей очки и дал слово не трогать ваше племя. Будешь ты мне служить до тех пор, пока не вырастешь. А что потом с тобой делать, я ещё подумаю.— Волк встал, оскалился на зайчонка:— Ступай за мной!

Волчья хата была под толстым старым дубом. Хозяин вынес зайчонку бубен и приказал:

— Играй, Серолапченко! Ужас как люблю хорошую музыку...

Зайчонок с перепугу обеими лапками так быстро начал отбивать дробь на бубне, что Волк только жмурился от удовольствия.

Вдоволь наслушавшись, Волк сказал:

— Теперь будем завтракать. Моя еда— это моя, а твоя— на моём огороде. Иди морковки себе надёргай.

Зайчонку со страху и есть расхотелось, но всё же побежал на огород, выдернул одну морковинку и принёс.

Волк недовольно покосился:

— Ты зачем такую большую выдернул? Хочешь у меня задаром объедаться?

«Ой, ведь это совсем небольшая морковка,— подумал зайчонок.— Ладно, на обед выберу себе поменьше, только бы так страшно не сердился дяденька Волк».

После завтрака зайчонок расчищал возле волчьей хаты полянку от прошлогоднего сушняка. Умаялся крепко и захотел есть. Но чтобы не рассердить волка, на обед постарался зайчонок отыскать себе морковку ещё меньше.

Глянул Волк и опять разозлился:

— Такой маленький, а ест сколько! Так ведь и разорить меня недолго.

А вечером, когда усталый зайчонок принёс себе к ужину совсем крохотную морковинку, Волк затрясся от гнева:

— Где это видано, чтобы заячий аппетит был больше волчьего? Очень много ты ешь!

А на ночь Волк снова принёс бубен и приказал:

— Сиди у порога и стереги хату мою. Я пойду сосну. Если что не так, колоти в бубен— я проснусь. Да не вздумай бежать! Ночью всё равно дороги не найдёшь, только ещё дальше забредёшь!

Продрог зайчонок за ночь. Утром вылез Волк из хаты, зевнул, нацепил очки и глянул на зайчонка.

— Ну как? Стережёшь?

— Стерегу, дяденька.

— Это хорошо. Молодчина! А теперь вот тебе удочка, иди-ка свежей рыбки к завтраку налови. Да поживей!

Взял зайчонок удочки, поскакал к реке. Добежал до реки, забросил удочку. Вот поплавок запрыгал. Зайчонок выдернул удочку— блеснула на крючке щука.

К завтраку щука уже лежала перед Волком.

Волк увидел щуку и тут же съел её. Облизнулся и прорычал:

— Почему рыбка маленькая была? На обед большую поймай!

Побежал зайчонок опять на речку. Но к обеду только маленького карасика выудил. Бежит к волчьей хате, а сам слезами умывается.

— Эй, зайныка!— крикнула с дерева Белка.— Что это ты грустный такой?

— Да вон какая маленькая рыбка поймалась, а дяденька Волк велел мне выловить ему на обед большую рыбу.

— А ты не печалься.— Белка прыгнула с дерева

в траву и зашептала зайчонку в ушко:— Прибегали сюда твои родители, хотели повидать тебя, но не дождались, оставили новые очки для Волка. Ты незаметно забери старые, а вместо них подложи эти. Что из этого получится, посмотрим. В новых очках стёклышки что надо: они всё показывают больше, чем на самом деле.

Белка рассмеялась. Серолапченко от радости даже подпрыгнул.

Принёс зайчонок рыбку к волчьей хате, а хозяин ещё пуще сердится:

— Ну и нерасторопный ты зайчонок! Полдня рыбачил, одного карасика только и поймал.

Съел Волк карася и опять грозно прорычал:

— Ежели к ужину большую рыбу не поймаешь, плохо тебе будет!

И пошёл спать...

Когда он захрапел, зайчонок наклонился над спящим Серым волком, осторожно снял с его носа старые очки, нацепил новые и поскакал к речке.

Там он швырнул старые очки в воду и сел ловить рыбу.

К вечеру зайчонок поймал только маленького пескаря. Прибежал он к волку, положил перед ним пескаря.

Серый как раз проснулся. Поправил по привычке очки на носу. Глянул на рыбку и от радости всплеснул даже лапами:

— Молодец, Серолапченко! Доброго сома выловил! Ишь усы какие длинные! Большой и жирный сом!

В один миг проглотил Волк пескаря. Облизнулся и сказал:

— Вкусный сом. Только очень быстро он во рту растаял. Даже не заметил, как я съел его!

Зайчонок вспомнил слова Белки о стёклах новых очков Волка, взял да и стал прямо перед Волком. Тот глянул и даже задрожал от страха.

— О, какое счастье, сам могущественный Лев посетил моё жилище! Прошу, прошу...

А зайчонок ещё и зубы свои оскалил.

— За что вы меня хотите съесть, дорогой Лев?— Волк с перепугу упал и зажмурился.

На старом дубе громко рассмеялась рыжая Белка.

А зайчонок уже бежал лесной тропкой, которую ему показала Белочка, к своему родному Непытайловскому лесу и тоже смеялся над жадным Волком.

ХИТРЫЕ ВОЛКИ

Было это давным-давно...

Встретились в дремучем лесу два Волка. Злые-презлые. Говорит один Волк другому:

— Как дальше жить будем? Нет нашему брату пощады от людей!

— Ты прав,— согласился второй Волк и зашептал что-то приятелю на ухо.

Пошептались звери, перемигнулись и побежали в город — прямо на рынок. Купили там острые косы.

Вышли на зелёный луг, размахнулись... И давай косить.

Идут крестьяне на работу: чудеса, да и только — Волки траву косят!

Увидели Волки крестьян — подбежали, уговаривают:

— Возьмите нас в артель! Видите, какие мы работники, а сыты одной травой!

«Нас мало, а жадный барин только день дал на работу, — подумали крестьяне. — Подмога нужна, пусть попробуют!»

Косили все вместе до обеда. Жарко стало.

Присели крестьяне в тени, хлебом с молоком подкрепились и вздремнули. А Волки — бочком-бочком в кусты, за ближайший лесок — и к стаду.

Схватили овцу — вот о чём они шептались — и съели её. А потом вернулись и прилегли как ни в чём не бывало.

Вечером косари пошли в село. Волки просят:

— Возьмите нас. Сторожами будем...

Погасла заря вечерняя. Уснули все. Только Волки глаз не смыкали.

Вдруг среди ночи — переполох в овчарне.

Прибежали крестьяне и видят: Волки задушили двух овец, шкуру с них содрали и на себя набросили — среди овец спрятаться хотели.

А овцы волчий дух сразу учуяли и начали разбегаться в разные стороны.

Увидели крестьяне зверей странных: шкуры овечьи, а морды и ноги волчьи. И поняли всё:

— Так вот вы какие! Получайте за всё!

С тех пор много воды утекло... И когда злые люди обманывают хороших людей, а сами притворяются честными, о них, как про тех двух серых злодеев, говорят: «Волк в овечьей шкуре».

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Скрипка, рояль, кларнет — все музыкальные инструменты звучат лишь тогда, когда к ним прикасается человек. Сами по себе они не могут издать даже звука.

Но это в жизни.

А в сказке?

В сказке всё может получиться и по-другому...

Под самым потолком в ожерельях люстр, дрожа, замирали последние звуки музыки.

— Это было прекрасно! — говорили люди, покидая зал.

В глазах у многих блеснули слёзы. Да-да, слёзы! Ведь прекрасное вызывает не только весёлые улыбки.

Люди разошлись. Ушли и музыканты. Инструменты они аккуратно сложили в футляры и оставили на сцене.

Рабочие всюду тушили свет. Погасли и люстры. Только недремлющая любопытная луна ещё заглядывала в окна.

Вдруг в наступившей тишине щёлкнула крышка футляра и показался длинный и тонкий франт Кларнет.

— Вот мы и одни! Тра-ля-ля! — пропел он и уселся на край футляра так, что блестящие кнопки на его чёрном лакированном костюме засверкали в лунных лучах, как драгоценные камешки.

И сразу же защёлкали крышки других футляров — больших, средних и совсем маленьких.

— Ох и пришлось сегодня поработать, — сказал, отдуваясь, Барабан. — Я лез из кожи вон, зато меня лучше всех было слышно. Вы обратили внимание, как мне аплодировали?

— Нет, нет, — пискнула Флейта, — больше всех аплодировали мне!

— Ну, знаете, — с возмущением пробасил свернувшийся в колесо Геликон, — это неспр-р-равед-

ли-во-о-о! Ведь самую главную пар-ртию исполнял я!

— Ха-ха-ха! Вы только послушайте, что они говорят,—запрыгал на футляре Кларнет,—вы только послушайте!

— Перестаньте спорить, это глупо,—кокетливо изогнув свою длинную шею, пропела Первая Скрипка,—все пришли ради меня. Ведь в афише выделено только моё имя!

В спор вступили Трубы, Медные Тарелки, Валторны.

Только старый Контрабас тихонько вздохнул. Он прожил на свете не один десяток лет и знал, чем кончаются такие споры.

Фагот попытался урезонить расшумевшихся спорщиков:

— И чего вы кричите? Разве дело в том, кто главнее?

Но на его добродушное ворчание никто даже внимания не обратил.

Все кричали, пока не охрипли. И каждый втихомолку решил: уж в завтрашнем концерте он покажет себя, докажет всем, кто в оркестре главный.

Вечером нарядные люди снова пришли в сверкающий огнями зал.

Прозвучал третий звонок.

Люди замерли в ожидании.

Дирижёр взмахнул палочкой—и лёгкие, весёлые звуки, словно ласточки, впорхнули в зал.

Дирижёр дал знак скрипкам. В следующее мгновение они должны были начать мелодию, которая вот уже больше ста лет волнует людские сердца.

Но что это?

Вдруг совсем не к месту захлопали Медные Тарелки.

Дирижёр возмущённо постучал палочкой о пюпитр. Но это не помогло!

Скрипки визжали, как поросята. Барабан так колотил себя в бок, что кожа лопнула. Увидев это, Кларнет зашёлся громким хохотом. И тут во всю мощь своей медной глотки заревела толстая большая Туба!

Музыканты со страхом смотрели на свои инструменты, которые не слушались их! Каждый инструмент играл своё, стараясь заглушить другие. Они не замечали, что люди в ужасе затыкали уши и выбегали из зала. Последними убежали перепуганные музыканты.

Только когда зал совсем опустел, инструменты опомнились...

В тишине негромко прозвучал добродушно-ворчливый голос Фагота:

— Вот видите! Разве важно—кто главный...

Но все молчали. Ведь отвечать-то было нечего. Только старик Контрабас вздохнул тихонько.

СТАРЫЙ МАСТЕР

Мастер был стар и всеми уважаем. Слава давно уже склонила перед ним свою непокорную голову. Его скрипки считались образцом совершенства, и играть на них стремились самые выдающиеся музыканты. А новички и молодые музыканты могли только слушать игру мастеров. Им эти инструменты были недоступны. Мастера сравнивали с горным орлом, одиноко и гордо парящим в небесах. Он и сам походил на орла—высокий, с пристальным взглядом из-под чёрного разлёта бровей.

Много людей искали с ним знакомства. Учиться

у него желали тысячи молодых. Но тем, кто стремился встретиться с мастером, трудно было осуществить своё желание. Мастер любил одиночество, у него не было учеников. Только смелые и влюблённые в прекрасные звуки юноши иногда пытались разгадать секрет его мастерства и в тайне от всех мастерили свои инструменты.

Росло количество скрипок, созданных великим мастером, росли и прожитые годы. И когда силы ушли, а время согнуло его, он понял: приближается конец.

И мастер попросил самых лучших скрипачей (а они тоже были уже старыми) прийти к нему со скрипками, стать у изголовья и утешить его волшебными мелодиями...

...Один за другим звучали инструменты. Это были юношеские скрипки мастера. И комната будто засверкала солнечными лучами...

Другие скрипки звенели о солнечном полдне и жарком труде, о трудных дорогах, верных и неверных друзьях. И рождалась гордая радость покорения неприступных вершин.

Голос поздних скрипок мастера был величав и ясен. Пожалуй, едва уловимое самолюбование было в них излишним. Каждая нота звучала так красиво, гармонично, что, когда последний звук замер где-то далеко за распахнутыми в звёздную полночь окнами, музыканты, почитатели и даже сам мастер ещё долго молчали.

Но вот послышалось восторженное восклицание одного из неизвестных почитателей мастера.

— О, великий мастер! Этим скрипкам воистину нет равных. Но жаль, пройдут годы, и никто уже не услышит этих волшебных звуков. Зато вы останетесь единственным и унесёте их тайну с собой.

— Как это так?— похолодел великий мастер.— Невозможно унести с собой то, что нужно людям!..— Хватаясь дрожащими руками за стенку, он стал подниматься...— Раздайте все самые лучшие инструменты молодым мастерам, пусть они попробуют сделать такие же скрипки, а я, пока жив, открою им все секреты своего мастерства. И пусть попробуют играть на моих скрипках юные!

О ДЕВОЧКЕ, САМОМ КРАСИВОМ ЦВЕТКЕ И ПАРОВОЗЕ

В небольшом городе, недалеко от железной дороги, жила-была Девочка. У неё были голубые глаза, а вечерами мама расчёсывала дочери шелковистую косу.

Девочка эта была как все. Не принцесса и не сказочная героиня. И любила она то, что видела чаще всего,— Цветы и Паровозы.

А Цветы в той стране росли очаровательные. Они мгновенно отгадывали все желания. И если Девочка загадывала что-нибудь хорошее, а потом срывала цветок, спрашивая: «Чёт или нечёт?»— лепестков на Цветке оставалось столько, сколько нужно.

И Паровозы в той стране были необыкновенные. Они умели расти.

И был такой маленький Паровозик, который дружил с Девочкой.

— Эй! Э-эй! — звал он.— Садись, пока-та-аю!

И они путешествовали до самого леса. Там Паровозик просил:

— Зажмурь, пожалуйста, глаза!

Девочка послушно закрывала глаза, так как знала — ничего страшного не случится.

Правда, Паровозик шатался из стороны в сторону, катился куда-то вниз, тяжело пыхтя, поднимался круто вверх. И тогда Девочка тихонько открывала глаза...

Уже вечерело. Выходила вечерняя заря. Луна заглядывала в доверчивые глаза Девочки. Она знала — впереди ждёт её что-то никогда не виданное, красивое, как мамина сказка.

А паровозик, попыхивая, упрямо взбирался вверх и мечтал, что, когда он вырастет, станет настоящим взрослым Паровозом, они поедут вместе с Девочкой в далёкое и необыкновенное путешествие. Он покажет ей сказочные города, широкие степи, непроходимые леса, заоблачные вершины и моря. Да, да! Даже вершины и моря. Путешествия маленького Паровозика были его большой тайной. Он учился ездить напрямик, без рельсов. И за это, мечтал Паровозик, может быть, девочка когда-нибудь подарит ему самый красивый Цветок...

А Девочке очень понравилось ездить, она привыкла к удивительным путешествиям и однажды сказала Паровозику:

— Мне уже всё известно тут. Не знаешь ли ты какой-нибудь другой дороги?

— Нет, не знаю... — пыхтя, ответил Паровозик, — но для тебя я обязательно постараюсь найти новую дорогу.

Девочка вернулась домой, а Паровозик напился воды и куда-то укатил.

Укатил и пропал...

Девочка за играми вскоре даже забыла о маленьком Паровозике. Ей всё больше нравились огромные, шумные Паровозы-непоседы.

И однажды она вскочила на подножку самого голосистого из них и уехала по гудящим рельсам!

Много интересного увидела она. Удивительные города, зелёные леса, широкие реки и огромные мосты над ними.

Но вскоре Девочка стала скучать. Она уже знала все станции, полустанки и даже маленькие будки обходчиков.

И тогда она вспомнила...

— Где ты, мой маленький Паровозик? Ведь у тебя была какая-то тайна! Встречу ли я тебя когда-нибудь?

Но однажды вечером Девочка услышала гудок... Было в нём что-то очень знакомое...

На первом пути устало дышал большой и уже запылённый Паровоз.

Девочка, сама не понимая отчего, изумлённо смотрела на него. И вдруг схватилась за крепкие тёплые поручни...

Паровоз, будто только и ждал этого, сразу же тронулся с места. Он ехал осторожно и плавно набирая скорость.

Девочке было легко, весело. Но она уже много перевидала Паровозов. Потому и спросила:

— А сколько вам нужно угля в день? Сколько воды? Если я подарю вам самый красивый Цветок, повезёте ли вы меня далеко-далеко?

— Так-так! Так-так! — стучали в ответ Рельсы.

А Паровоз слышал голос Девочки, мчался вперёд и был счастлив.

Девочка подумала, что Паровоз не расслышал её вопроса и спросила ещё раз:

— Повезёте ли вы меня далеко-далеко, если я подарю вам самый красивый Цветок?

— Хоро-шо-о! — радостно просвистел Паровоз. — Только для этого мне нужно съездить за водой и углем. Подождите меня на этом полустанке!..

Паровоз остановился, и Девочка будто на крыльях слетела с насыпи в поле, чтобы сорвать самый красивый Цветок для Паровоза.

Паровоз уже мчался дальше за водой и углем, мечтая о своём новом путешествии...

Едет Паровоз и вдруг будто очнулся.

— Ой! Ой!.. — загудел Паровоз. — Девочка, ты не узнала меня?.. Ты не догадалась, что я тот самый, верный тебе Паровозик, с которым ты так много путешествовала, я теперь стал большим!..

А Девочка тем временем шла полем, искала самый красивый Цветок для Паровоза. Ведь она тоже узнала его по гудку.

СКАЗКА ДОБРОГО ВОЛШЕБНИКА

Шёл однажды мимо болота Добрый Волшебник. На посошок опирается, во все стороны смотрит внимательно. Видит, полная женщина с большой, тяжёлой корзиной по дороге семенит. Должно быть, на рынок торопится.

А вокруг на стелющихся кустиках красные клюквинки, как огоньки, горят.

Поглядел Добрый Волшебник на женщину внимательно и тут же отгадал, о чём она думает: «Вот если бы каждая ягодка да в монетку превратилась, вот тогда бы и я доброе дело сделала: накупила бы для всех ребят в селе пряников и конфет!»

Обрадовался Добрый Волшебник, чуть не пляшет, и стал шептать:

— Пусть сбудется, о чём думает эта добрая женщина.

Мгновение — и каждая красная клюквинка на кустиках в монетку превратилась.

Глазам своим не поверила женщина: «Неужели чудо свершилось?»

Торопливо сорвала с куста монетку. Повертела в руках, на зуб попробовала. Настоящая.

Из корзины в болото тут же всё выбросила и давай хватать монетки обеими руками.

Удивился Волшебник. Крикнул ей:

— А может, довольно? Уже не только ребят — всё село конфетами и пряниками целый год можно кормить!

Отмахнулась женщина:

— Всем довольно, а мне — нет. Мне много нужно.

Нахмурился Добрый Волшебник...

А женщина уже и позабыла, что под ногами у неё болото и не замечает, что начала её трясина засасывать.

Уже полным-полна корзина. Стала толстуха карманы монетами набивать, в подол сыпать.

А сама от тяжести всё глубже уходит в трясину.

Посмотрел Волшебник, грустно покачал головой:

— Нет, это не женщина — сама Жадность топнет.

СОДЕРЖАНИЕ

Слонёнок, который любил танцевать	3
Медвежонок-боксёр	10
Почему Синичка повеселела	14
Ёжик и Соловей	15
Лебединая сказка	21
Слон и Мышка	22
Сосновые шишки	23
Летучее дерево	28
Цветы, Дождь и Ветер	31
Море	34
На высокой горе	36
Крокодилы слёзы	38
Два друга	42
Добрый Клён	43
Озеро	44
Девочка и охотник	45
Весёлый Чародей	50
Таинственная рукопись	54
Золотая клетка Бумбома	59
Об Африканском мальчике Ленни, о ста де- дах-морозах и о примёрзшей бороде . . .	68
Живые рисунки	72
Дождик	75
Волчьи очки	77
Хитрые волки	83
Музыкальные инструменты	84
Старый мастер	87
О Девочке, самом красивом Цветке и Парово- зе	89
Сказка Доброго Волшебника	93

Для младшего возраста

Ярмыш Юрий Феодосиевич
ДЕВОЧКА И ОХОТНИК
Сказки

Ответственный редактор
Г. Р. Каримова.
Художественный редактор
И. Г. Найдёнова.
Технический редактор
З. М. Кузьмина.
Корректор
Л. М. Агафонова.

Сдано в набор 19-VII 1971 г. Подписано
и печати 12-X 1971 г. Формат 60х84^{1/16}.
Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,6 (Уч.-изд. л.
4,02). Тираж 100 000 экз., ТП 1971 № 418.
Цена 26 коп. на бум. № 2.
Ордена Трудового Красного Зна-
мени, издательство „Детская литера-
тура“ Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудо-
вого Красного Знамени фабрика „Дет-
ская книга“ № 1 Росглавополиграфпро-
ма Комитета по печати при Совете Ми-
нистров РСФСР. Москва, Сушевский
вал, 49. Зак. 2629.

В издательстве „Детская литература“ вне серии для детей младшего школьного возраста в 1971 году вышли и выходят следующие книги, переведённые с языков народов СССР:

Познанская М. ВАЛЯ КОТИК. ПОЭМЫ.

Две поэмы — о юном патриоте Герое Советского Союза Вале Котике и о пионере-герое Казимире Гапоненко, показавших пример бесстрашия и героизма в партизанском подполье в годы Великой Отечественной войны. Перевод с украинского.

Цвижба Ш. ДОЛИНА КРЫЛАТЫХ КОНЕЙ.

В рассказах абхазского писателя ярко раскрывается облик советского человека, труженика, надёжного друга природы. Перевод с абхазского.

Индране И. ГДЕ ТАКАЯ ЁЛКА?

Повесть о первоклассниках. Герой её — Марис — рассказывает обо всём, что случается с ним и в школе и дома. Перевод с латышского.

Эти книги по мере выхода их в свет вы сможете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Цена 26 коп.

